

Татьяна Осипцова

Ретт Батлер. Вычеркнутые годы

Лауреаты премии «Народный писатель»

16+

Татьяна Осипцова

Ретт Батлер. Вычеркнутые годы

«Автор»

2014

Осипцова Т.

Ретт Батлер. Вычеркнутые годы / Т. Осипцова — «Автор», 2014

Несколько писателей в разное время пытались продолжить эпохальный роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» - одну из самых читаемых книг XX века. Наиболее популярным стал роман Александры Риплей «Скарлетт». Данная книга является его продолжением. Скарлетт и Ретт вновь обрели друг друга, но безоблачное счастье длилось не так уж долго. Судьба занесла их в Южную Африку в разгар алмазной лихорадки. Какие драматические события доведется пережить там Ретту и Скарлетт, и смогут ли они выдержать испытания, проверяющие любовь на прочность?

Содержание

«Скарлеттомания»	5
История создания романа	6
Тяжкое бремя славы	10
Секрет успеха	12
Оскароносный фильм	14
Митчелиана: сиквелы, приквелы, продолжения	17
Ретт Батлер. Вычеркнутые годы	20
Глава 1	20
Глава 2	28
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Осипцова

Ретт Батлер. Вычеркнутые годы

«Скарлеттомания» ***(Вместо предисловия)***

Из всего написанного в двадцатом веке едва ли найдется книга, снискавшая себе большую популярность, чем роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Его читают и перечитывают не только женщины от пятнадцати до восьмидесяти лет, но и мужчины.

Митчелл наделила своих героев колдовским обаянием, любое их возрождение или упоминание о них вызывает огромный интерес, особенно после голливудской экранизации, двадцать лет удерживавшей пальму первенства по количеству полученных «Оскаров».

История создания романа

30 июня 1936 года издательство «Макмиллан» выпустило в свет книгу Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» – роман, ставший бестселлером американской литературы XX века. За первые полгода было продано более миллиона экземпляров, книга неоднократно переиздавалась огромными тиражами в США и была переведена на 30 языков.

То, что произведение никому не известного автора, «домохозяйки из Атланты», вообще увидело свет, нельзя назвать иначе как чудом, ведь сама Маргарет Митчелл Марш не предпринимала попыток опубликовать роман, над которым работала около десяти лет.

Маргарет Манерлин Митчелл родилась в 1900 году в Атланте. Так же как у ее героини Скарлетт, предками Маргарет по отцу были ирландцы, а по матери – французы. Оба ее деда принимали участие в Гражданской войне на стороне южан, а отец, Юджин Митчелл, известный в Атланте юрист, многие годы являлся председателем городского исторического общества. И Маргарет, и ее брату Стивенсу с детства довелось услышать немало рассказов о войне между Севером и Югом.

Пегги (так звали Маргарет близкие) мечтала стать психологом, но ей не удалось завершить образование в колледже. В начале 1919 года умерла ее мать, и будущей писательнице пришлось взять на себя заботу о семье.

Еще школьницей Пегги дружила с пером и бумагой, сочиняла рассказы и пьесы для самодеятельного театра, но этим ее интересы не ограничивались. Симпатичная живая девушка любила танцевать и ездить верхом. Последнее пристрастие стоило ей здоровья: полученные в результате падений с лошади травмы лодыжки и позвоночника не раз напоминали о себе.

В 1922 году Маргарет начала работать журналистом в «Атланта Джорнал» – писала литературные обзоры, репортажи, брала интервью у знаменитостей. В этом же году она вышла замуж за Барриена Киннарда Апшоу, человека определенно не ее круга. Апшоу, которого знакомые называли Ред, занимался бутлегерством, контрабандой спиртного (с 1919 года в США повсеместно был введен сухой закон). Подобный выбор девушки из семьи с традициями тем более удивителен, что первый жених Пегги, погибший во время Первой мировой войны лейтенант Клиффорд Генри, был кладезем добродетелей по сравнению с Редом. Мезальянс не мог кончиться ничем хорошим. Спустя несколько месяцев после свадьбы молодая жена застала мужа с горничной. Маргарет тут же ушла от Апшоу, но он не оставил своих посягательств, и до самого развода в 1925 году Маргарет спала с пистолетом под подушкой.

В 1926 году Маргарет вторично вышла замуж, за своего давнего друга и поклонника Джона Марша. Этот брак оказался счастливым, Джон не только любил жену, но и разделял ее интересы. Вскоре после свадьбы она оставила работу в газете. Свободное время посвящала чтению, таская из городской публичной библиотеки стопки книг. Друзья шутили, что, зайдя в движущуюся по улице груды книг, можно без ошибки сказать – Пегги Митчелл спешит домой, запасшись чтивом на несколько дней. Примерно в это время дали о себе знать старые травмы, и на несколько месяцев Маргарет оказалась запертой в четырех стенах. Книги стал приносить преданный муж. Но вскоре оказалось, что читать в библиотеке ей больше нечего, и тогда Джон сказал: «Похоже, Пегги, тебе самой придется написать книгу, если хочешь что-нибудь читать». Такова легенда, по которой именно муж подтолкнул Маргарет Митчелл к началу работы.

Истории о гражданской войне, отложившиеся в памяти с детства, семейная традиция к изучению прошлого, любовь к отчему краю и к чтению, личный опыт – все слилось воедино. Маргарет задумала написать роман о человеческих судьбах на фоне переломного момента в истории американского Юга.

Вероятно, сюжет романа уже приблизительно сложился у нее в голове, однако писать Маргарет начала с последней главы. «Она не сумела понять ни одного из двух мужчин, которых

любила, и вот теперь потеряла обоих», – такова была первая написанная фраза. Сама Маргарет объясняла, что начала с финала по журналистской привычке. Так она готовила свои статьи: вначале последние фразы, как итог, к которому нужно подвести весь текст. Способ хорош, но при написании эпического произведения – а «Унесенные ветром» не просто роман, это эпопея – на пути к финалу предстояло не только построить скелет сюжета, следовало еще нарастить его мышцами правдоподобности, тем более что речь шла о тяжелом историческом периоде. Поэтому Маргарет принялась изучать соответствующие материалы.

Она перелопатила груды подшивок газет 1860-х и 1870-х годов, навела справки, изучала медицинские и экономические отчеты времен Гражданской войны. Как настоящий журналист, Митчелл не допускала использования непроверенных сведений, поэтому ход ведения боев, дислокация войск Севера и Юга, количество убитых и раненых в сражениях достоверны, ни один историк не найдет здесь неточности. Так же как в описании тяжелой обстановки в осажденной Атланте, работы госпиталя, бытовых подробностей жизни во время войны. Кроме того, Маргарет интересовало, как одевались женщины и мужчины в те годы, и каждая шляпка, бантик, оборка в романе соответствует моде того времени или отсутствию средств одеваться модно (вспомните платье, сшитое Скарлетт из штор Эллин).

Роман писался вне хронологии. Законченные отрывки отправлялись в толстые конверты, и стопкой лежали на полу возле столика для вышивания, где располагалась портативная пишущая машинка. Естественно, друзья, часто собиравшиеся в доме супругов Марш, интересовались, что пишет Пегги. Она отшучивалась: если эпохальный роман и будет дописан, то вряд ли увидит свет. Единственным читателем и критиком Маргарет оставался муж. Ежедневно, возвращаясь с работы, он прочитывал написанное женой за день. Это было похоже на восприятие фильма билетером в кинотеатре, который провожает запоздавших зрителей к месту и каждый раз видит разные отрывки. Но главная тема эпопеи – отражение самого тяжелого периода в жизни Атланты – была ему близка и понятна.

Даже лучшей подруге, Лоис Коул, работавшей в представительстве крупнейшего издательства «Макмиллан», Маргарет не показывала результаты своей работы, хотя та неоднократно просила об этом и предлагала помощь в пристраивании рукописи. Митчелл полушутя отвечала, что если когда-нибудь решится опубликовать роман, то «Макмиллан» будет первым издательством, которому она предложит рукопись.

Считается, что в основном «Унесенные ветром» были дописаны в 1929 году. Однако и в 1930, и в 1931 Маргарет возвращалась к рукописи, отделявала, дорабатывала ее. Лишь в 1932 конверты из манильской бумаги, часть из которых запылилась и испачкалась, перекочевали из-под стола в гостиную в кладовку. Это были тысячи страниц текста. Существовали разные варианты описания некоторых событий, однако не было первой главы. Митчелл понимала, что в таком виде рукопись нельзя представить ни в одно издательство.

В 1932 году Лоис Коул вышла замуж и переехала в Нью-Йорк. Там она стала работать помощником редактора центрального отделения «Макмиллан», и в 1933 Маргарет Митчелл получила официальное письмо из издательства с предложением выслать им рукопись романа в любом состоянии, в каком бы она ни находилась. В ответ Маргарет сообщила, что еще не завершила роман, и сомневается, что завершит его когда-нибудь, однако, если рукопись будет закончена... и пр. и пр.

Возможно, причиной отказа послужили сомнения, свойственные любому творческому человеку. А быть может, строгость к самой себе, нежелание показать хоть кому-либо недоделанный труд? Существует еще одна версия. В шутку отвечая на вопросы друзей, что пишет «великий американский роман», Маргарет все же могла предполагать, что книга выйдет неординарной – ведь никто до нее на примере историй отдельных людей не описывал столь подробно падение империи хлопка и поражение Юга в войне с Севером. Если книга обретет популярность, автор ее станет знаменитостью. Не исключено, что Митчелл сдерживала в себе

тщеславные порывы из любви к мужу, поскольку благонравной жене положено лишь быть его тенью. Не о том ли говорил Ретт Батлер, объясняя Скарлетт, почему общество Атланты осуждает ее, и приводя в пример других женщин, взявшихся зарабатывать: «Но вы упускаете из виду главное, моя кошечка. Эти дамы ведь не преуспели, а потому это не задевает легкоранимую гордость южных джентльменов, их родственников». Можно предположить: Маргарет опасалась, что ее слава затмит мужа, которому она была предана не менее, чем он ей.

Следует помнить, что время написания романа совпало с Великой депрессией. Когда четвертое десятилетие двадцатого века перевалило за половину, экономический кризис в Америке стал затихать. Дела «Макмиллан» пошли на лад, и в начале 1935 года вице-президент издательства Гарольд Лэтем принимает решение совершить экспедицию по стране с целью поиска новых талантливых авторов. Первая остановка предполагалась в Атланте. И вот тут почитатели Митчелл должны сказать спасибо преданности Лоис Коул, не оставившей надежды сделать подругу знаменитой. Она рассказала Лэтему о рукописи Маргарет: «Никто не читал ее, кроме мужа, но если автор ее может писать так, как говорит, это будет не книга, а конфетка».

Лоис устроила так, что Митчелл не могла не встретиться с издателем: попросила подругу опекать Лэтема во время пребывания в Атланте. Маргарет с энтузиазмом организовывала ленчи и встречи с литературной общественностью Джорджии, но на просьбы Гарольда Лэтема показать рукопись, о которой он наслышан, отвечала отказом. Друзья, осведомленные о многолетнем труде Маргарет – правда, не знакомые с его содержанием, – удивлялись, почему она не дает рукопись известному издательству, на что Маргарет ответила, что стесняется и стыдится. И тут одна из бесталанных молодых писательниц, не раз обращавшаяся к Митчелл с просьбой написать за нее какой-нибудь кусочек, с апломбом высказалась в том смысле, что Пегги не может написать стоящую книгу. Это вызвало у Митчелл приступ хохота: кому, как не ей, было знать о масштабе таланта язвительной приятельницы. В результате Митчелл собрала столько конвертов рукописи, сколько могла унести, и притащила их Лэтему как раз в тот момент, когда он покидал Атланту. Решение было спонтанным, о чем свидетельствует телеграмма, которую она отправила на следующий день в Новый Орлеан, вдогонку Лэтему: «Пожалуйста верните рукопись я передумала». Но было уже поздно. Всю ночь в поезде нью-йоркский издатель провел за чтением и, несмотря на разрозненные куски повествования, испытал восторг старателя, напавшего на золотую жилу. 18 апреля 1935 года он ответил миссис Марш письмом, в котором поблагодарил за то, что она отдала ему рукопись, и обещал отправить ее на рассмотрение в Нью-Йорк. «На меня роман произвел сильнейшее впечатление. Я вижу в нем задатки поистине важной и значительной книги».

А 17 июля телеграммой от Лэтема поступило предложение подписать контракт на издание книги. Маргарет была обескуражена. Она сказала мужу, что не представляет, как издателям удалось разобраться в десятках отрывков вне хронологии, в тысяче отпечатанных страниц, исчерканных пометками: «Немыслимо, как можно было там что-то понять». Джон с уверенностью высказался, что и кроме него есть, кому оценить талант Маргарет, и пошутил, что, в случае если тираж не уйдет, они распродадут тысяч пять экземпляров в Джорджии, родственникам и знакомым.

Следующие полгода показались Маргарет самыми напряженными в жизни. Связанная обязательством, она с энтузиазмом принялась за работу. Предстояло не только написать начало истории, но придать повествованию последовательность, выбрать из нескольких вариантов глав лучшие, проверить, чтобы все сходилось, убрать повторы. Современному писателю, вооруженному компьютером, неведом подобный труд. Маргарет черкала рукопись, вырезала куски ножницами и склеивала опять, дописывала и переписывала большие куски. Например, в первом варианте смерть Фрэнка Кеннеди была не столь драматичной. Кроме того, Митчелл решила еще раз проверить роман на достоверность, и вновь обратилась к историческим источникам.

Она составила буквально почасовой график событий, происходивших в Атланте во время штурма города Шерманом. Отец, которому она дала прочесть рукопись, нашел ее гениальной и точной в историческом смысле. И брат, интересовавшийся финансовым положением Конфедерации и экономическими аспектами гражданской войны и писавший статьи на эту тему, тоже оценил компетентность произведения.

Первоначально Митчелл собиралась закончить переделку романа в готовый для издания вид осенью, однако работы оказалось больше, чем она предполагала. У романа не было названия, и некоторые имена не звучали. Например, имя главной героини – Пенси О'Хара – согласитесь, не совсем подходило персонажу с таким характером. Перебрав несколько вариантов, Митчелл остановилась на имени Скарлетт, не только звучном, но и со значением. Корень слова восходит к латинскому «алый», это синоним имени Роза. Издатели встретили перемену имени героини на ура. Попутно поменялась девичья фамилия ее матери, было найдено новое название поместья Джералда О'Хара, и, наконец – сам роман обрел заголовок. «Другой день», «Неси тяжелый груз», «Жернова», «За борт»... 24 варианта названий своего романа отослала Митчелл в издательство, сделав пометку на семнадцатом, «Унесенные ветром»: «Это мне нравится больше всего».

Желая помочь жене, тратившей на переделку слишком много сил, Джон Марш тоже участвовал в работе. Он помогал ей в редактировании, кроме того, составил словарь негритянской речи и говора жителей пограничных областей – они с Маргарет считали, что самый незначительный персонаж должен говорить так, как ему полагается, чтобы читатель воспринимал его живым. Поэтому тысячестраничный роман, населенный множеством героев, читается на одном дыхании, без запинки.

Когда книга обрела название, а героиня – окончательное имя, работать, по словам самой Митчелл, стало значительно легче. Однако скрупулезно добиваясь точностей в деталях, Маргарет продолжала гоняться за авторитетами в области архитектуры, украшений, костюмов, географии, сельского хозяйства и истории блокады Юга. Опять начались походы в архив публичной библиотеки. Это был тяжелый труд, Маргарет ежедневно проводила за столом по девять-десять часов. Она оттачивала и оттачивала фразы, чтобы очаровать читателя обаянием главной героини с первой страницы. Глава, которой начинается роман, переписывалась сорок раз. В результате Маргарет удалось без вычурного стиля, простыми и ясными описаниями завязать контакт с читателем. Она поясняла другу в письме: «Возможно, это пережитки газетной поры, но я всегда чувствовала, что если история, которую хочешь рассказать, и характеры не выдерживают простоты, что называется, голой прозы, лучше их оставить. Видит бог, я не стилист и не могла бы им быть, если бы и хотела».

Работа велась без перерыва. Митчелл позволила себе оторваться от нее лишь ради традиционного рождественского сборища у Маршей. Наконец 22 января 1936 года последняя страница рукописи была передана машинистке.

Результатом тяжелейшего, на грани изнеможения, полугодового труда стала книга, захватывающая читателя с первой строчки. В рамки исторического материала вплетена история жизни и любви героини, рассказанная с подлинной страстью и пониманием человеческой психологии, пронизанная любовью к родному краю и сожалением о временах, которые никогда не вернуться.

Тяжкое бремя славы

Успех книги «Унесенные ветром», вышедшей в свет 30 июня 1936 года, оказался оглушительным. Возможно, Маргарет Митчелл, еще не пришедшая в себя после напряженной подготовки к изданию, была не готова к такому повороту событий. «Долгие годы мы с Джоном жили тихой, уединенной жизнью, которая была нам так по душе, – писала она. – И вот теперь мы оказались на виду». Лекции, интервью, выступления на радио, фотосессии, письма восторженных читателей... Столь милых сердцу спокойных часов погружения в мир вымышленных героев просто не стало.

Будучи по натуре человеком дисциплинированным, поначалу Митчелл чувствовала себя обязанной прочитать каждое письмо и ответить на него, принять очередное приглашение на встречу с читателями. Джон Марш, заботливый муж и преданный друг, взял на себя часть бремени: ограждал Маргарет от слишком настойчивых поклонников, вел переписку с издательствами, следил за финансовыми делами.

Аванс от «Макмиллан» за предоставленную рукопись был относительно небольшим – 500 долларов, но уже за первый год автор романа «Унесенные ветром» получила три миллиона долларов гонораров от переизданий и переводов на другие языки (это эквивалентно нынешним 33 миллионам). Сумма могла быть в несколько раз больше, согласись Маргарет использовать образы своих героев в рекламных целях. Но автор не пожелала принижать собственное творчество, украшая именами Скарлетт и Ретта Батлера туалетную воду или мыло. Супруги Марш не стремились к роскоши, и, несмотря на свалившееся на голову богатство, внешне их жизнь почти не поменялась.

Едва выйдя из печати, книга «Унесенные ветром» обрела фантастическую популярность, и виной тому не грамотная рекламная кампания издательства, а потрясающая история о любви и впервые описанный от лица женщины взгляд на Гражданскую войну и Реконструкцию в США. Мнение читателей было единодушным: «гениальная писательница», «талантливейший автор своего поколения» – такие отзывы публиковала пресса.

Несмотря на потрясающий успех романа у публики, литературная общественность вначале отнеслась к нему без особого восторга. Один из профессиональных критиков написал: «Значительно число читателей этой книги, а не она сама». Не желая смириться с тем, что сравнительно молодой автор, да еще к тому же женщина так громко заявила о себе, профессионалы от литературы, не зная к чему придраться, обвинили Митчелл в отсутствии изысканного стиля изложения. Но сама автор считала, что если и стремиться к стилю, то к такому, которого читатель и не заметит.

Похвалы от мэтров звучали редко, однако всемирно признанный Герберт Уэллс дал высокую оценку «Унесенным ветром»: «Боюсь, что эта книга написана лучше, чем иная уважаемая классика».

В 1937 году Маргарет Митчелл присудили Пулитцеровскую премию за лучший роман года.

Митчелл болезненно воспринимала любой укол критиков, особенно ее ранили подозрения в плагиате. Жадные до денег и скандалов люди не ленились затевать абсурдные судебные иски. Например, одна писательница выдвинула обвинение в плагиате, основываясь на том, что в романе «Унесенные ветром» несколько словосочетаний похожи (!!!) на написанные ею, истинцей, в романе о ку-клукс-клане. Конечно, иск не был удовлетворен, но нервы Маргарет Митчелл испортил изрядно.

Обратной стороной популярности всегда становится навязчивое внимание публики, порой проявляющееся бестактно. Это угнетало скромную по натуре Маргарет. Стоило ей

появиться на улице, в кино, в ателье портнихи – в любом общественном месте, – как поклонники тут же бросались просить автографы, задавали вопросы о романе, интересовались дальнейшей судьбой его героев. Даже в собственной квартире Митчелл не чувствовала себя защищенной. Первое время телефон звонил каждые три минуты, иной раз незваные посетители являлись в дом среди ночи. Через некоторое время Митчелл стала избегать встреч с читателями, и порой отказывалась давать интервью. Она стремилась к покою и тишине, к прежней уединенной жизни, к машинке на своем столе, но нервная обстановка вокруг ее имени мешала писать. «Я бы предпочла никогда не писать этой книги, никогда не продавать ее, никогда не заработать ни цента, не иметь даже сотой доли того, что в этих краях называется славой...» – признавалась отчаявшаяся Маргарет в своем дневнике.

Не только назойливость почитателей отравляла ей жизнь. Почти сразу после выхода романа в прессе стали проскальзывать предположения, что Митчелл всего лишь переписала дневник своей бабушки. Говорили, что автор романа «Унесенные ветром» не Маргарет Митчелл, а ее муж, Джон Марш. По другой версии объемное эпическое произведение на самом деле результат совместного труда редакторов «Макмиллан», которые переписали роман за «домохозяйку из Атланты». Авторство приписывали даже Синклеру Льюису, которому якобы заплатила Митчелл. Более десяти лет Маргарет страдала от подобных инсинуаций.

К тому же жадная до сенсаций желтая пресса не уставала подогревать интерес к личной жизни писательницы лживыми измышлениями. «Митчелл написала роман, чтобы содержать мужа-инвалида» (Джон Марш не обладал крепким здоровьем, однако именно он, работая, содержал семью до того, как роман вышел в свет). «У Маргарет Митчелл деревянная нога. Она писала "Унесенные ветром" в постели в гипсовом корсете" (после серьезной травмы лодыжки Митчелл носила ортопедическую обувь). «Маргарет Митчелл спас от слепоты хирург, оперировавший Сиамского короля» (проблемы со зрением были, но обошлось без операции). «Митчелл умирает от рака крови»... По русскому поверью после такого известия человек должен жить долго.

Жизнь Маргарет Митчелл оборвалась внезапно. Переходя улицу, она попала под колеса автомобиля, неожиданно вывернувшего из-за угла на большой скорости.

Согласно воле жены Джон Марш уничтожил рукопись, оставив лишь небольшой конверт, который поместил в банковскую ячейку – последние главы романа «Унесенные ветром» с собственноручными правками и заметками автора.

Что послужило причиной столь жестокого решения? Теперь этого не узнает никто. Можно лишь предполагать, что затравленная обвинениями в плагиате, сомнениями в истинном авторстве, измученная вниманием прессы и поклонников, Митчелл хотела покоя. Если не для себя, то для своих наследников. Незадолго до смерти она высказалась в одном из писем: «Не знаю, дотяну ли я до того времени, когда перестанут продавать мою книгу».

Маргарет Митчелл так и осталась в истории автором одного романа. Правда, он оказался непревзойденным шедевром американской литературы.

Секрет успеха

Даже доживи Митчелл до ста лет, она не дождалась бы угасания интереса к своему роману. Книга переведена на тридцать семь языков мира, только в США переиздавалась около сотни раз, и, без сомнения, ей будет зачитываться еще не одно поколение читателей.

Так в чем же секрет непреходящей любви публики к роману «Унесенные ветром»? Этому феномену посвящены многие исследования американских критиков, но при этом сама Митчелл затруднялась объяснить невероятный, фантастический успех книги. Она называла свой роман простой историей о, в сущности, простых людях. Ни изысканного стиля, ни грандиозных мыслей, ни философских обобщений, ни скрытой символики – ничего, что делало другие романы знаменитыми, нельзя найти в «Унесенных ветром» – так говорила сама писательница. Видимо, причина популярности именно в простоте и искренности изложения, в умении автора увлекательно рассказать свою историю, не отдаляясь при этом от обычного читателя.

Книга успела покорить мир, а критики все спорили, является ли она литературным шедевром или тривиальной беллетристикой. Роман называли «южной легендой», «магнолиевым мифом», «энциклопедией плантаторской жизни», изложенной с полагающимися подробностями и в соответствующих декорациях. Притягательной легендой, с добавлением изрядной доли романтизма (это по большей части относится к началу романа). Книга возродила ностальгию о Старом Юге, о временах, когда джентльмены были бесстрашны в поединках, но неизменно галантны с дамами, а леди обладали изысканными манерами и добропорядочностью. Плантадоры – потомки колонизаторов из Европы – жили со своими семьями в белоснежных особняках среди хлопковых и рисовых полей, которые обрабатывались их черными рабами. Хозяева трогательно заботились о нуждах своих невольников, а те отвечали им преданностью. Но этот счастливый и гармоничный мир с его медлительным очарованием разрушила Гражданская война – янки, позарившиеся на богатства благословенного края, потребовали запретить рабство в южных штатах.

Под знаменами Конфедерации южане мужественно сражались с армией северян. Сотни страниц романа посвящены тому, какой виделась война из сердца Юга – Атланты. Трагедия крушения Империи Хлопка – вот один из главных лейтмотивов романа. Плантации в руинах, рабы разбежались, «Бюро вольных людей» диктует условия бывшим рабовладельцам, а те оказались лишены и работников на своих полях, и гражданских прав. Маргарет Митчелл поведала о самых трагических страницах истории своего родного края, сделав ее понятной широкой аудитории соотечественников и людей всего мира.

Но не только романтическое описание довоенной жизни и правдивое отражение ужасов Гражданской войны и Реконструкции принесли роману популярность. Несколько поколений читателей на протяжении без малого восьмидесяти лет следят за судьбами героев, сопереживают им так, будто это живые люди. Сколько бы ни повторяла сама автор, что Мелани, а не Скарлетт должна стать примером для подражания, миллионам и миллионам женщин хочется походить на главную героиню, не гнушающуюся любыми средствами для достижения цели, но очаровательную в своем эгоизме, – а вовсе не на преданную и порядочную идеальную жену Эшли. Для многих и многих предметом мечтаний стал не образ благородного южного джентльмена Эшли Уилкса, а brutальный Ретт Батлер – не считающийся с общественным мнением, не чурающийся подозрительных делишек, сыплющий ядовитыми насмешками и все-таки чертовски обаятельный!

Маргарет Митчелл не раз говорила, что у персонажей нет реальных прототипов, однако исследователи творчества писательницы нашли в ее окружении людей, похожих на героев романа.

В Эшли Уилксе просматриваются несколько романтизированные черты Клиффорда Генри, погибшего во время Первой мировой войны жениха Маргарет.

Вероятно, в Эллин есть что-то от Мари Изабель Митчелл, матери автора романа. Преклонению Скарлетт перед матерью, уважению к ее личности в книге посвящено немало страниц.

Все критики сходятся во мнении, что прототипом Ретта Батлера стал первый муж Скарлетт, Барриен Апшоу. Тут и созвучие клички Апшоу (Ред – Рыжий) с именем персонажа, и презрение к условностям (Апшоу нравилось шокировать окружающих), и неразборчивость в способах заработка (Апшоу – бутлегер, Батлер – спекулянт). По мнению окружающих Ред Апшоу был мерзким беспринципным типом – но ведь нашла в нем что-то юная Маргарет и отказалась от остальных своих поклонников, в том числе и от Джона Марша, о преданной любви которого не могла не знать! Давно известно – «плохие парни» бывают дьявольски привлекательны, особенно в глазах юных дев. При более близком знакомстве черты, казавшиеся безобидными, могут трансформироваться в отвратительные, и приходит понимание, что жить с таким человеком – значит потерять себя. Так случилось и с Маргарет. Она ушла от первого мужа, не стерпев унижений и открытых измен, – однако заметим, что официально развелась с ним лишь через три года.

Так почему образ Ретта получился столь заманчивым для женских сердец? Быть может, порвав с Апшоу, Маргарет перенесла свои чувства к нему на Ретта Батлера, наделив героя не только неприятием общепринятых норм морали, но и воображаемыми качествами – широтой души, своеобразным благородством и собственным кодексом чести. Ретт предстает в романе страстным и гордым человеком, которого нельзя «заставить прыгать через обруч»; саркастичным, остроумным, мужественным не только внешне, но и в поступках, и, главное, преданным своей большой любви – вначале Скарлетт, затем их общей дочери. Не такого ли возлюбленного мечтает иметь любая женщина?

В Скарлетт исследователи усмотрели черты бабушки Маргарет Митчелл и ее самой. Писательница отвергала сходство своего характера с характером главной героини. «Скарлетт проститутка, а я нет», – заявляла Маргарет. Однако вряд ли образ Скарлетт мог получиться столь обаятельным, если бы Митчелл не любила ее. И следует помнить, что интервью давала не очень молодая и не крепкая здоровьем женщина, по своему поведению и привычкам уже более похожая на Мелани. А начинала писать роман двадцатипятилетняя женщина, которая не так давно кружила головы молодым людям и привела в шок родню, выйдя замуж за человека с подозрительным прошлым. Когда роман был почти написан, Митчелл не сравнялось и тридцати лет. К моменту издания ей исполнилось тридцать шесть. Десять лет брака с заботливым, спокойным и интеллигентным Джоном Маршем сделали свое дело. Подзабылась страсть, толкнувшая ее в объятия первого мужа, больше стали цениться взаимопонимание в семье, преданность и дружеская поддержка. И отношение автора к героине изменилось – Митчелл переросла Скарлетт и уже не видела в ней ничего общего с собой.

А публика восхищалась и продолжает восхищаться Скарлетт О'Хара. Не только ее красотой и умением покорять мужчин, но нежеланием отступать перед трудностями, несгибаемостью, силой натуры. Миллионы женщин, отгоняя горестные и неприятные мысли, вспоминают слова зеленоглазой героини: «Я подумаю об этом завтра. Ведь завтра будет другой день».

Оскарносный фильм

Более двадцати лет экранизация романа «Унесенные ветром» удерживала пальму первенства по количеству полученных «Оскаров». Принимая в расчет инфляцию, фильм был и остается самым кассовым в истории кинематографа.

Прошло семьдесят пять лет со дня его выхода, но он все так же любим зрителями. Ни одна кинокартина не выдержала столь длительного испытания временем. Отреставрированная, со стереозвуком, она снова вышла на большой экран через пятьдесят лет и вновь привлекла внимание не в одной лишь Америке. В СССР фильм был закуплен на пороге 90-х, вскоре после прекрасного русского перевода книги Маргарет Митчелл.

Кстати, прогремевший на весь мир роман, ставший к тому времени уже классикой, не был знаком русскоязычным читателям по одной простой причине: у Митчелл жизнь рабовладельцев американского Юга и их отношение к неграм слишком отличалась от описанных в «Хижине дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. Советская идеология диктовала историкам подчеркивать прогрессивную роль гражданской войны между Севером и Югом США в деле отмены рабства. О количестве жертв с обеих сторон, о разрушенных и сожженных городах процветающего края, тысячах и тысячах людей, вынужденных покинуть свои дома, о грабежах, насилии, обо всех ужасах, которые принесла война, в советских школах не рассказывали. Тем более не рассказывали, что настоящей причиной войны, как всегда, были земля и деньги, а вовсе не освобождение рабов.

Несомненно, успех картине принесли не только замечательная масштабная постановка, великолепная игра актеров, но и сама история, проверенная фантастическими тиражами романа.

Контракт с Дэвидом Сэлзником на экранизацию своего романа Маргарет Митчелл подписала уже в 1936 году. Она получила 50 000 долларов и наотрез отказалась участвовать в работе над сценарием и подборе актеров. Атмосфера кинобизнеса явно претила тяготеющей к тишине писательнице.

Выхода картины с нетерпением ждала вся Америка. По мнению большинства зрителей, на роль Ретта Батлера как нельзя лучше подходил «король Голливуда» Кларк Гейбл. Чтобы заполучить любимца публики, Сэлзнику пришлось заплатить отступного компании MGM, с которой у Гейбла был долгосрочный договор. Выбор главной героини затянулся. Были рассмотрены кандидатуры 1400 актрис, а создатели картины все еще колебались между несколькими претендентками. Съемки фильма уже начались, когда наконец была найдена настоящая Скарлетт – Вивьен Ли, неизвестная американцам актриса из Лондона. Говорят, что прочитав роман, она сразу заявила: «Я должна сыграть эту роль!»

Безусловно, с выбором исполнителей главных ролей постановщики «попали в яблочко». Для сотен миллионов читателей и зрителей образы Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера стали неотделимы от портретов Вивьен Ли и Кларка Гейбла.

Знакомство двух великих актеров началось с курьеза. Перед первыми пробами «оскарносни» Кларку пришлось дожидаться начинающую английскую актрису около часа, и он высказался в том смысле, что все равно не будет с ней работать. Подоспевшая Вивьен услышала реплику и... отозвалась шуткой с крепким словом в свой собственный адрес. Это не шокировало Кларка, напротив, вызвало симпатию. В процессе работы над фильмом Ли с Гейблом подружились, но, к разочарованию охочей до любовных историй на съемочной площадке публики, романа между исполнителями главных ролей не случилось. Оба хранили верность самой большой любви в своей жизни. Кларк – ангелоподобной звезде Голливуда Кэрол Ломбард, а Вивьен – великому Лоуренсу Оливье. Однако это не мешало им изображать страсть на экране. Сцены Скарлетт с Реттом – истинное украшение фильма.

Драматический материал сценария позволил актерам показать лучшие грани своего таланта, и даже по прошествии десятилетий их игра потрясает. Вивьен Ли сумела отразить эволюцию характера Скарлетт: взбалмошная шестнадцатилетняя кокетка – брезгливая к ужасам войны молодая вдова – женщина, вынужденная заботиться о хлебе насущном для себя и близких, растерявшая последние принципы в желании спасти Тару, – и, наконец, униженная общественным порицанием зрелая красавица, искавшая любовь не там, где следовало.

Широкая белозубая улыбка Кларка Гейбла, ямочка на щеке и смеющиеся глаза до сих пор заставляют трепетать миллионы женских сердец. И хотя формат кинокартины не позволил показать всю сложность взаимоотношений Батлера с обществом Атланты, однако образ получился не менее драматичным, чем в книге. Зритель понимает, отчего испытывает раскаяние циник, провожающий взглядом измученные боями отступающие войска южан; верит в холодную злость Ретта, когда Скарлетт отказалась разделять с ним супружеское ложе; сочувствует ему в безысходном горе от потери любимой дочери... В финальной сцене объяснения с женой он кажется равнодушным и усталым, но его последняя, невозмутимо брошенная фраза: «Если честно, моя дорогая, мне наплевать» («Frankly, my dear, I don't give a damn») возглавляет список наиболее узнаваемых цитат из американских кинофильмов.

Конечно, четырехчасовая лента не могла вместить все события романа в тысячу страниц. Однако Сидни Ховард и еще несколько приданных ему в помощь сценаристов, имена которых не вписаны в титры (в их числе был и Френсис Скотт Фитцджеральд), прекрасно справились с задачей. В фильм вошли почти все ключевые сцены романа, а если что-то осталось за кадром – это не ломает целостности восприятия. Единственным бросающимся в глаза отличием остается то, что в фильме до брака с Реттом у Скарлетт не было детей.

Премьера состоялась 15 декабря 1939 года в «Loew's Grand Theatre» в Атланте. Здание кинотеатра задекорировали под особняк О'Хара, над входом красовался огромный постер – Вивьен Ли в объятиях Кларка Гейбла. В ночь премьеры на площади возле кинотеатра собралось около 300 тысяч человек, желавших лично поприветствовать создателей картины. Билеты на премьеру стоили 10 долларов, но спекулянты перепродавали их по 200 (учитывая инфляцию это 2000 долларов!). Демонстрация фильма сопровождалась всплесками эмоций. И позже, в других городах Юга Америки, посещение кинотеатров, где шла экранизация романа Митчелл, приобретало вид определенного патриотического акта.

Только в Атланте фильм посмотрели почти миллион человек. А за первый год проката в США «Унесенные ветром» собрали аудиторию из 113 миллионов зрителей. Цифра потрясающая, особенно учитывая тот факт, что все население Соединенных Штатов в те годы составляло 123 миллиона.

Наутро после премьеры Вивьен Ли проснулась знаменитой. О мгновенно обрушившейся на нее славе актриса отозвалась так: «Я не кинозвезда. Я – актриса. Быть кинозвездой – просто кинозвездой – это как фальшивая жизнь, прожитая во имя фальшивых ценностей и ради известности. Актёрство – это надолго, и в нём всегда есть превосходные роли, которые можно сыграть».

Работу кинематографистов оценили по достоинству не только зрители, но и Американская киноакадемия. Фильм был выдвинут на премию «Оскар» в тринадцати номинациях и получил из них восемь и еще две почетных – рекорд, удерживавшийся более двух десятков лет. «Унесенные ветром» удостоили премии за лучший фильм. Золотую статуэтку получила Вивьен Ли, а за исполнение лучшей женской роли второго плана впервые в истории была награждена чернокожая Хэтти МакДэниэл, сыгравшая роль Мамушки. Кроме того, «Оскарами» отмечены работа режиссера (Виктор Флеминг), сценариста, художника, оператора и монтаж фильма. Несмотря на то что публика посчитала Ретта Батлера лучшей ролью Кларка Гейбла, «король Голливуда» премии Киноакадемии за эту работу не получил.

Фильм «Унесенные ветром» справедливо признан одним из шедевров Голливуда.

Масштабная кинолента обошлась постановщикам в три миллиона семьсот тысяч долларов (в современном исчислении это сорок с лишним миллионов). Фильм полностью цветной, при съемке использовалась сложная по тем временам технология, требовавшая яркого освещения площадки и специального киноаппарата, снимающего сразу три пленки через цветоотделительные фильтры.

В процессе работы над картиной создатели не раз сталкивались с проблемами, но все они были удачно решены. Например, сцена побега Скарлетт из Атланты. Ее сняли первой, еще до утверждения на роль Вивьен Ли, и имя дублерши осталось неизвестным. Для съемки подожгли целый квартал декораций, оставшихся от предыдущих фильмов.

В эпизоде, где Скарлетт идет по станции среди раненых и убитых солдат Конфедерации и панорамой камера показывает лежащие прямо на железнодорожных путях тела жертв боев, принимало участие 800 статистов и 400 добровольцев, работавших бесплатно. Всего в картине было задействовано 2400 человек массовки и 59 профессиональных актеров.

Для фильма сделали деревянные полномасштабные модели паровозов времен Гражданской войны, потому что настоящие не удалось заполучить. Были сшиты более пяти тысяч оригинальных костюмов, причем военную форму еще и специально «состарили». Около 450 карет и повозок, более тысячи лошадей, сотни других животных – создатели киноэпопеи не поскупились на съемки. Впрочем, на рекламную кампанию тоже потратили немало – полмиллиона долларов. Любопытно, что за некоторые не совсем цензурные выражения, используемые героями в кинофильме, Селзник был оштрафован на 5000 долларов. И все равно, под давлением Легиона Последователей Католической Церкви, тогдашние цензоры позволили демонстрировать «Унесенных ветром» лишь в ограниченном количестве кинотеатров и в ограниченное время, из-за «низких моральных устоев главных персонажей, разлагающего примера деградации общества, сцен насилия и чрезмерной похотливости». (В голову сразу приходит: куда нынче смотрит вышеупомянутый Легион?)

И последний факт, подтверждающий, что в Голливуде уже в те времена актерам платили не за работу, а за имя. Гонорар Вивьен Ли за 125 дней съемок составил \$25 000, тогда как Кларк Гейбл снимался 71 день и получил \$120 000.

Фильм «Унесенные ветром», как и роман, послуживший ему основой, можно отнести к разряду бессмертных. Когда киноленту впервые показали по американскому телевидению в 1976 году, аудитория, по подсчетам социологов, составила 130 миллионов человек. И с тех пор, в какой бы стране и по какому каналу ни демонстрировали фильм – в последние годы оцифрованный, в великолепном качестве, – зрители вновь с удовольствием смотрят картину, которой в 2014 году исполняется семьдесят пять лет.

Митчелиана: сиквелы, приквелы, продолжения

«Унесенные ветром» – одна из тех книг, перевернув последнюю страницу которой, редкий читатель не жаждет узнать продолжение истории. Ведь Маргарет Митчелл завершила роман не точкой, а многоточием.

Обещание вернуть любовь Ретта, которое героиня дает самой себе, намекает, что история еще не закончена. Если бы после фразы: «Она не сумела понять ни одного из двух мужчин, которых любила, и вот теперь потеряла обоих» последовало что-то вроде: «Впереди ее ждали годы без любви и горечь одинокой старости», читатель мог бы удовлетворенно подумывать: «Допрыгалась? Пробросалась? Так тебе и надо!» Или, что скорее, с сочувствием к Скарлетт: «Глупая, как ты могла не разглядеть его большой любви? Разве можно было игнорировать такого мужчину? Это он еще долго терпел». И после, с жалостью к Скарлетт или ощущением, что она получила по заслугам, раз и навсегда распрощаться с героями.

Издатели еще в процессе подготовки книги предлагали Митчелл переписать конец романа, советовали сделать его более определенным, оптимистичным. Однако автор настаивала на финале «с открытой страницей». Она считала, что слащавые концовки неинтересны, читателю надо оставить право самому додумать историю.

Но публика не желала додумывать сама, ее продолжала беспокоить дальнейшая судьба Скарлетт О'Хара. После выхода книги Маргарет изводили вопросами в письмах и телефонными звонками. Всех интересовало: а что же дальше? Неужели Ретт на самом деле разлюбил Скарлетт? Неужели, когда героиня, наконец, поняла что любит мужа, он навсегда покинул ее?

Митчелл отказалась написать продолжение романа. Выше уже говорилось: жизнь ее после выхода книги в свет сложилась так, что о спокойной, вдумчивой работе и речи не было. Парадоксально, но оглушительный успех единственной книги помешал Маргарет Митчелл написать другие. Возможно, она писала что-то, но после смерти жены Джон Марш, согласно ее желанию, уничтожил весь архив. Лишь небольшую часть рукописи «Унесенных ветром» и рабочих материалов к ней он положил на вечное хранение в банковский сейф, с условием, что тот будет вскрыт только в случае сомнения в авторстве Митчелл.

Шли годы, писательницы давно не было в живых, а популярность романа все не иссякала и публика жаждала узнать конец истории. Когда истек срок авторских прав, к наследникам Маргарет Митчелл обратились с вопросом: кого бы они желали видеть автором продолжения романа? Племянники Митчелл доверили написать сиквел достаточно известной на американском Юге писательнице Александре Риплей, уроженке Чарльстона.

На волне интереса к «Унесенным ветром» роман «Скарлетт» вышел огромными тиражами и был переведен на многие языки мира. Хотя сам сюжет «Скарлетт» достаточно интересен, однако истинные поклонники Маргарет Митчелл остались недовольны, прежде всего тем, что характеры героев изменились, они совершают поступки, которых никогда бы не сделали, будь роман написан рукой Митчелл. Некоторые вещи кажутся просто нелепыми: чудом избежав гибели во время шторма, проведя несколько часов в воде, Ретт, едва ступив на берег, тут же, прямо на песке, овладевает Скарлетт – и сразу бросает ее, практически без объяснений. От обаяния личности Ретта Батлера у Риплей ничего не осталось. Саркастические насмешки превратились в едкие шутки, и не прошедшая до конца любовь к Скарлетт совсем не просматривается. Вообще, поведение Ретта необъяснимо, и тем более непонятно, зачем тогда он приехал к Скарлетт после смерти своей второй жены, Анны Хэмптон. Скарлетт у Риплей тоже не похожа сама на себя. Она порой кажется жалкой в своем желании вернуть Ретта. Пропал свойственный ей эгоизм и женская хитрость. Непонятен ее восторг перед ирландскими родственниками, а уж то, что, живя в Ирландии, изнеженная американская леди по примеру своей нищей родни принялась ходить босиком, – вообще смешно!

Книга перегружена не играющими никакой роли второстепенными персонажами, описаниями ничего не значащих событий. Перелистывая страницы, делающие книгу увесистой, но отнюдь не добавляющие содержательности, так и хочется воскликнуть: «Когда же начнется настоящее действие?» В романе упоминаются некоторые достоверные факты, однако историческая сущность освободительной борьбы ирландского народа против господства Великобритании не раскрыта – а ведь «Унесенные ветром» интересны не только как история любви, но и как подлинная история американского Юга.

По мнению подавляющего большинства читателей, роман «Скарлетт» не стал удачным продолжением.

За книгой сразу последовал мини-сериал «Скарлетт». Фильм несколько живее книги, видимо из-за отсутствия ненужных подробностей, к тому же его сюжет немного изменен. Однако при просмотре не создается впечатления, что это продолжение «Унесенных ветром», напротив, возникает вопрос: зачем героям дали имена Скарлетт О'Хара и Ретт Батлер? Может, виной тому прочно запечатлевшиеся в памяти образы, созданные Вивьен Ли и Кларком Гейблом? Как ни хорош сам по себе Тимоти Далтон, но это не тот Ретт, а Скарлетт в исполнении Джоанн Уэлли настолько далека от зеленоглазой героини первого фильма, что и говорить не стоит. Но лиха беда начало. После выхода романа Риплей и огромных тиражей, которыми он разошелся, писатели и издатели решили еще поэксплуатировать героев, пользующихся непреходящей популярностью. Как из рога изобилия один за другим в свет выходят сиквелы (продолжения) и приквелы (предыстории) «Унесенных ветром». Больше всех «потрудились» Джулия Хилпатрик. Ее «Ретт Батлер» – сугубо конъюнктурное произведение. Читатели заметили, что сюжет его здорово смахивает на один из романов Даниэлы Стил. Прочитав книгу Хилпатрик, сразу вспоминается ироничное высказывание Маргарет Митчелл на тему продолжения «Унесенных ветром»: «"Принесенные бризом" – роман, в котором будет высокоморальный сюжет, в котором у всех героев, включая Красотку Уотлинг, изменятся души и характеры, и все они погрязнут в ханжестве и глупости». Выпустив в свет «Ретта Батлера», Хилпатрик не остановилась, она написала еще один роман, обозначив его как завершающую часть пенталогии и назвав «Последняя любовь Скарлетт». Но этим «митчелиана» Хилпатрик не закончилась. Ее перу принадлежит еще одна книга: «Мы назовем ее Скарлетт» – история Эллин О'Хара, матери героини Митчелл.

Двумя романами, «Тайна Ретта Батлера» и «Тайна Скарлетт О'Хара», отметилась в «митчелиане» Мэри Рэдклифф, по одному написали Элис Рэндол, Мюриэл Митчелл и Рита Тейлор, однако они пользовались еще меньшей популярностью, чем произведения Хилпатрик.

В 2007 году после широкой рекламной кампании вышла в свет книга Дональда Маккейга «Люди Ретта Батлера». К этому роману тоже как нельзя лучше подходит высказывание Митчелл по поводу «Принесенных бризом». Роман охватывает годы юности Батлера и время, описанное в романе «Унесенные ветром». Книга анонсировалась как взгляд на бессмертную историю со стороны Ретта Батлера. Однако написанный мужской рукой портрет героя потерял всякую привлекательность. Подобно Риплей, Маккейг слишком опростил персонажи. В «Скарлетт» героиня разгуливала босиком по грязи, тут опять собственноручно пашет землю; лучшими друзьями Ретта Батлера отчего-то стали чернокожие, и он принимает участие в борьбе за права негров. Красотка Уотлинг, проститутка и бандерша с многолетним стажем, становится едва ли не образцом добродетели и даже подружилась со Скарлетт.

Казалось бы, уж коли это история Ретта, то его чувствам к Скарлетт должно быть посвящено немало страниц, однако мы видим лишь краткий пересказ хронологии их отношений, что и так знаем от Митчелл. А добавленные эпизоды выглядят нелепо. Например, такой. Ретт, примчавшийся в Атланту накануне атаки Шермана прямо в кабине машиниста, топивший топку углем, чумазый, не находит ничего лучше, как в таком виде поспешить в дом Питтипэт, чтобы признаться Скарлетт в любви. Но мы помним, что у Митчелл он из принципа не давал Скар-

летт понять, как сильно любит ее. И у читателя создается впечатление, что свою сестру Розмари Ретт все-таки больше любит. Розмари и ее любовным переживаниям в книге уделено неоправданно много места.

Коробит читателя и несоответствие некоторых деталей. Маккейг взялся писать продолжение, но проигнорировал роман самой Маргарет Митчелл. Ладно, пусть название поместья Батлеров упоминается только в «Скарлетт» у Риплей, но имя брата Ретта, примерный возраст его сестры и то, что Элеонора Батлер пережила Бонни, – это все есть в первоисточнике. Создается впечатление, что если Маккейг и читал «Унесенные ветром», то невнимательно.

По поводу причин несоответствия «скарлеттианы» чаяниям читателей можно сделать единственный вывод: никто из вышеупомянутых авторов не писал по велению сердца, искренне любя роман Митчелл и его героев. Я упоминала, Риплей делала работу под заказ и сама сомневалась в том, что читатели одобряют сиквел. Однако она была первой в когорте и если не признательностью читателей, то тиражами на голову обогнала следовавших за ней. Остальные авторы, писавшие о Скарлетт и Ретте, всего лишь надеялись добиться известности и денег.

Автор этих строк, долго и всерьез больная «скарлеттоманией», тоже внесла свою лепту в продление жизни образов, родившихся под пером Маргарет Митчелл. Вначале я написала ремейк «Унесенных ветром», роман «Сметенные ураганом», где действие разворачивается в России на грани третьего тысячелетия. Затем роман «Ретт Батлер. Вычеркнутые годы», продолжение «Скарлетт» Александры Риплей, историю-альтернативу существующему сиквелу Дж. Хилпатрик.

«Чем же вы отличаетесь от вышеупомянутых авторов?» – вправе спросить читатель.

Абсолютно искренне отвечу: преклонением перед Маргарет Митчелл, любовью к ее потрясающей эпопее и абсолютным бескорыстием, потому что писала оба романа по велению сердца, без какой-либо надежды на публикацию. А уж получились ли они, затронут ли сердце читателя хоть немного – судить не мне.

Ретт Батлер. Вычеркнутые годы

Глава 1

Небольшой пароход, направляющийся в Бристоль, покидал порт Голуэя ранним утром. Скарлетт и Ретт стояли у борта, Кэти держалась за руку матери, все трое глядели на удаляющийся берег. Некоторое время можно было рассмотреть отдельные дома на Док-роуд, пришвартованные в гавани корабли и яхты, но вот пароход вышел из залива и город постепенно расплылся в туманном мареве. Скарлетт смахнула со щеки набежавшую слезу. Заметив это, Ретт вполголоса спросил:

– Жаль уезжать из Ирландии?

Она покачала головой:

– Я бы покинула ее еще неделю назад, если б не задержка в Маллингаре.

– Тогда отчего?

– Вспомнила Колума, – вздохнула Скарлетт. – Он так любил свою родину! Восстание подавили, но сколько жертв, и с той, и с другой стороны...

– Бессмысленных жертв, – эхом отозвался Ретт.

Скарлетт тряхнула головой, будто отгоняя тяжелые мысли, и совсем другим тоном поинтересовалась:

– Мы надолго в Англию?

– Задержимся не более чем необходимо, дорогая.

– Мне хочется путешествовать, посмотреть Европу. Увидеть, наконец, Рим, которым бредила твоя сестра. В голосе Ретта послышалась знакомая ирония:

– Вот уж не думал, что тебя когда-нибудь заинтересуют архитектурные достопримечательности!

– Где-то там, в Риме, живет моя подруга.

– На свете появились женщины, с которыми ты дружишь? – удивленно поползла вверх черная бровь.

– В Ирландии у меня много друзей, и женщин в том числе, – заносчиво подняла подбородок Скарлетт. – А в Риме есть зоопарк?

– Я люблю зоопарк, – заявила снизу Кэт.

– Обещаю, милые дамы, – заверил Ретт, обращаясь более к Кэти, – куда бы мы ни поехали, обязательно будем посещать зоопарки. Кто тебе там больше всех нравится, Кэти?

– Лев, он царь зверей, – серьезно ответила девчушка.

– Откуда ты знаешь?

– Мне мама говорила. А еще мне понравились кенгуру. У них есть кармашки, в которых сидят детки. А тебе кто нравится?

Ретт прищурился, будто припоминая.

– Тигры, ягуары, зебры и жирафы. У них очень нарядные шкуры. Однажды в Мексике я пристрелил на охоте ягуара.

Зеленые глаза Кэти округлились.

– Пристрелил, насмерть?..

– Пришлось. – Если б я промахнулся – боюсь, Кэти, мы бы с тобой не встретились. Этот зверь собирался съесть меня.

– А что, ягуары едят людей?

– Едят, да еще мурлыкают от удовольствия, – подмигнул Ретт.

– Мурлыкают кошки, – возразила Кэт.

– А ты разве не замечала, что и львы, и тигры, и пумы, и ягуары похожи на кошек? Кэт подумала и кивнула.

– Да, я видела, на стенах у меня в комнате. В моей комнате звери на стенах. Мне нравится. Мама, а когда мы поедem домой?

– Боюсь, солнышко, мы больше не вернемся в Баллихару. Ты же видела, там все сгорело. Был пожар.

– Всё? А как же мои куклы?

Скарлетт беспомощно взглянула на Ретта. Как объяснить ребенку, что весь знакомый и любимый ею с самого рождения мир разрушен?

– Думаю, куклы успели убежать, как твой пони. И наверняка какая-нибудь девочка найдет их и позаботится, – сказал Ретт, подхватывая девочку на руки. Удивительно, но из его объятий свободолюбивая Кэт никогда не вырывалась. И хотя Скарлетт было немного обидно, она не мешала Ретту завоевывать расположение дочери.

Кэти до сих пор не знала, кто такой Ретт. Он предложил Скарлетт сначала зарегистрировать брак, а потом официально объявить себя отцом. Со временем, когда дочка подрастет, ей можно будет все объяснить.

По законам Великобритании, прежде чем пожениться, необходимо прожить в одном из графств не менее месяца. Ретт и Скарлетт решили провести это время в поместье Чатерлеев, друзей Ретта.

Скарлетт тоже была знакома с тридцатипятилетним холостяком Роджером Чатерлеем и его незамужними сестрами Сарой и Фрэнсис. Несколько раз им довелось вместе охотиться в поместье Барта Морланда. Узнав, что Ретт женится на миссис О'Хара, Чатерлеи и не пытались скрыть удивления. Им было известно, что Батлер овдовел совсем недавно, к тому же в газетах писали, что богатая американская вдова, звезда двух дублинских сезонов, в сентябре выходит замуж за лорда Фэнтонна.

Сара и Фрэнсис забросали Скарлетт вопросами:

– Как Фэнтон отнесся к разрыву помолвки? Вы уведили его?

– У меня не было на это времени, – покачала головой Скарлетт. – Вы что, не знаете, что творилось в Ирландии?

– О, да! Это ужасно! – с жаром воскликнула Фелисити. – Надеюсь, ваше поместье не пострадало от рук повстанцев?

– Оно сожжено. Так же как поместье Фэнтонна. Я бежала из дома в последний момент. Если бы не Ретт...

– Батлер спас вас? – охнула Сара. – Как романтично!

Скарлетт промолчала. Они с Реттом договорились, что не будут распространяться об истории своей жизни. Слишком много запутанного в их отношениях. Сара с интересом поглядывала в сторону мужчин, которые пили виски в другом конце гостиной.

– Всегда подозревала, что мистер Батлер необычный человек. Вы в курсе, что его жена умерла в родах совсем недавно? Он так скоро утешился...

– Неправда, Сара. Я знаю, Ретт переживает до сих пор.

Скарлетт говорила вполне искренне. Она не ревновала к прошлому, ибо на длинном пути одиночества пережила слишком много и теперь смотрела на мир другими глазами. В данный момент она чувствовала себя абсолютно счастливой и неспособной на низкие чувства.

Поместье Чатерлеев в графстве Уилтшир насчитывало около полутора тысяч акров земли, из них тысяча была сдана в аренду фермерам. Остальное пространство занимали луга с рошицами, сад перед домом и сам дом – довольно просторный, хотя и уступающий размерами Биг-Хаусу Баллихары.

Старинную постройку из дикого камня украшали четыре квадратные башни. Окон в мрачном на вид здании было немного. В тринадцатом веке оно принадлежало аббатству, но последние четыреста лет служило родовым гнездом Чатерлеям. Каждое поколение обитателей переделывало дом по своему вкусу. Просторный холл, сохранившийся почти в первозданном виде, казался прохладным, его каменные стены украшали охотничьи трофеи и потемневшие портреты предков нынешних хозяев. В гостиной и столовой преобладал георгианский стиль, а комнаты хозяев и несколько спален для гостей были обставлены по последней моде.

Обычно осенью в поместье съезжались любители охоты, но сейчас, летом, единственными гостями оказались Батлер, Скарлетт и Кэти.

Однажды Роджер предложил совершить поездку в сторону Эймсбери.

– Хочется показать вам главную и самую большую здешнюю достопримечательность – Стоунхендж.

– Это что-то древнее? – прищурился Ретт.

– Вы правы. Мегалитическая постройка наших пращуров.

Десять миль по желтым песчаным дорогам, выходящим среди лугов, женщины проехали в коляске, а мужчины верхом. Когда впереди на фоне изумрудной зелени показалась серая точка, Фелисити указала на нее зонтиком:

– Вот он, Стоунхендж.

Пока не подъехали ближе, Скарлетт не могла взять в толк – чем они восторгаются, что необычного в этой груде камней. Но едва сошла с коляски и оказалась в двух шагах от серых замшелых гигантов, ее охватило странное чувство.

– Что это? Для чего их здесь поставили? – спросила она, оглядываясь.

– Для чего? Боюсь, ответа на этот вопрос мы не получим никогда, – покачал головой Чатерлей. – По мнению некоторых ученых, этому сооружению четыре или пять тысяч лет.

– Пять? – удивился Батлер. – Выходит, они древнее египетских пирамид?

– Безусловно.

– Это тоже ритуальная постройка? Могильник?

– При раскопках здесь обнаружили кости, но немного. Первоначально все это выглядело не так. Стьюкли сделал реконструкцию, рисунок ее можно увидеть в Эймсбери. Перемычки венчали верхний ряд столбов по всему диаметру, создавая замкнутый круг. Некоторые из ныне лежащих внутри круга камней стояли вертикально. Любопытно, что местные легенды приписывают строительство Стоунхенджа самому Мерлину. Но современные ученые склонны считать, что постройка связана с ритуалами друидов или астрономическими наблюдениями. Дело в том, что положение камней увязано с датами солнцестояния...

– А откуда они взялись здесь? – прервала лекцию дотошный Эдвард Скарлетт. – Кругом поля и леса. Откуда камни в этом равнинном краю?

– За тысячи лет, дорогая, рельеф местности мог поменяться.

– Для геологии тысяча лет – что одна минута, – возразил Батлеру Чатерлей. – Камни добывали за двести миль отсюда, в Южном Уэльсе.

– Откуда вы знаете, Эдвард? – шутливо спросила Скарлетт. – Вас ведь тогда на свете не было.

– Синий камень добывают в тамошних каменоломнях по сей день, – абсолютно серьезно ответил Чатерлей.

– Двести миль... – проворчала Скарлетт. – Видно, нечем им было заняться, если волокли эти громадины в такую даль. Отчего они не построили свое святилище поближе к каменоломне?

– По-видимому, у них были свои резоны, – усмехнулся Ретт.

Он наблюдал за Кэт, которая бегала среди каменных громадин, то исчезая за ними, то вновь появляясь. Скарлетт наскучил умный разговор, и она отправилась к дочери.

На обратном пути, когда коляска отъехала от мегалита на четверть мили, Эдвард предложил оглянуться назад. Картина, представшая их глазам, вызвала общий вздох восхищения. Время близилось к закату. Спустившееся к горизонту солнце будто застряло в прорези меж двух камней, приплюснутое третьим, и сияло оттуда ослепительно-белой звездой, придавая сооружению вид мистический. Впечатление таинства, волшебства усиливалось неестественно розовыми облаками, разметающимися по голубой бездне над зеленой бескрайней равниной.

– Это глаз волшебника! – воскликнула Кэти, а у Скарлетт отчего-то мурашки пробежали по спине, будто она получила от небес зловещее предзнаменование.

Спустя несколько дней Чатерлеи собрались навестить своего соседа и предложили гостям сопровождать их.

Рэдхилл, поместье сэра Лоренса Коэна, находился в пяти милях и разительно отличался от имени Чатерлеев. По дороге туда Сара верещала:

– Вы будете потрясены, Скарлетт. Уверяю, ничего подобного вы в жизни не видели! Дед нынешнего лорда много лет был наместником в Индии и привез оттуда баснословные богатства. А его сын, отец сэра Лоренса, потратил большую их часть на постройку огромного дворца и чудесного парка.

Парк, и правда, оказался великолепен, больше садов Баллихары и Адамстауна, вместе взятых. Несколько фонтанов струили свои воды перед фасадом беломраморного здания, будто сотканного из кружев. Стены сказочного дворца были сплошь украшены причудливыми орнаментами.

– Жилище, достойное магараджи, – с усмешкой высказался Ретт.

Спешившись, он помог сойти с коляски Скарлетт, затем подхватил на руки Кэт. Та во все глаза смотрела на диковинный дом.

Чатерлеи уже поднимались по мраморным ступеням, а Скарлетт все еще любовалась жилищем лорда Коэна, когда услышала чей-то возглас:

– Скарлетт?!

От ажурной беседки, притаившейся среди старых вязов, сияя улыбкой, спешила Люси Фейн. Несколько растерянная от неожиданности, Скарлетт чмокнула приятельницу в щеку, но не представила ей ни Ретта, ни Кэт. Заметив это, Батлер мягко увлек дочь в сторону:

– Посмотрим на фонтаны? А может, прогуляемся по парку?

– Тут есть конюшни? – поинтересовалась маленькая лошадица.

– Должны быть, только я не представляю, в какую сторону идти. Надо спросить у Роджера.

Держа Скарлетт за руки, Люси рассматривала ее и с чувством воскликнула:

– Дорогая, до чего я рада вас видеть! Вы приехали встретиться с Фэнтоном?

У Скарлетт екнуло сердце, и она спросила с тревогой:

– Люк здесь?!

– Да, он гостит с воскресенья. Они с сэром Лоренсом старые друзья. Я здесь со вчерашнего вечера. Жена Лоренса приходится двоюродной сестрой моему покойному мужу. Мне Эм всегда была симпатична, и я с удовольствием приезжаю сюда. Я слышала о восстании в Ирландии, – продолжала тараторить Люси, – этого следовало ожидать. Правительству следовало пресечь действие Лиги арендаторов еще в зародыше. Они объединились – и вот результат! Надеюсь, вы уехали раньше и этот кошмар вас не коснулся?

– Коснулся, – вздохнула Скарлетт. – Моего дома больше не существует.

– Это ужасно! Фэнтон говорил, что его имение тоже сильно пострадало. Слава богу, в нашей округе революционеры не успели заварить каши. Но в ближайшее время я в Ирландию поехать не решусь.

Роджер повел Ретта с Кэти в сторону конюшен. Девочка спросила, есть ли здесь пони. Ей бы хотелось покататься.

– Кэти, детка, – покачал головой Ретт, – прежде чем садиться на лошадь, надо с ней познакомиться. Думаю, мама не позволит тебе кататься на чужой лошадке.

– Мама позволит, – уверенно заявила Кэт.

– А я бы на ее месте не разрешил.

– Я хорошо умею кататься, и скоро я буду ездить на больших лошадях.

Глядя на вздернутый подбородок и упрямо сведенные черные бровки, Ретт невольно улыбнулся: кровь Батлеров и О'Хара – адская смесь.

С противоположной стороны к конюшне направлялся высокий черноволосый человек.

– Кэт?! – удивленно воскликнул он.

– Люк! – бросилась к нему девочка.

Видя, что лохотный брюнет ласково гладит его дочь по голове, Батлер остановился. Он догадался, кто это, хотел было подойти и объясниться со своим соперником, но тут его нагнала Скарлетт.

– Ретт, стой, не надо... Я сама.

Он вопросительно поднял бровь:

– Мне уйти?

– Нет... не знаю... Но ты ведь понимаешь, я должна поговорить с ним.

Роджер Чатерлей посматривал на эту сцену с интересом. Затем, рассудив, что он здесь лишний, сообщил, что будет ждать на террасе, и поспешил в сторону дома.

Стиснув на мгновение кисть Ретта, Скарлетт решительно двинулась навстречу Фэнтону. Тот снял шляпу, склонился над ее рукой, а выпрямившись, заговорил:

– Здравствуйте, дорогая. Не ожидал увидеть вас здесь. Сбежали от своих соплеменников? Алдерсон писал, что не только Адамстаун пострадал от повстанцев, но и Баллихара полностью выгорела.

– Да, Баллихары больше нет. Но не будем об этом. Я должна поговорить с вами, Люк. Кэти, солнышко, иди к Ретту.

Девочка вернулась к стоявшему в десяти шагах Батлеру и взяла его за руку. Судя по всему, он не собирался уходить. Скарлетт кинула на него взгляд, будто ища поддержки, и обернулась к Люку.

– Я должна сказать вам... – она помедлила, собираясь с силами, и выпалила на одном дыхании: – Люк, я не люблю вас и не выйду за вас замуж.

Взглянув на нее с удивлением, Фэнтон пожал плечами:

– По-моему, мы расставили все точки над *i* и договорились, что романтические чувства не будут иметь никакого отношения к нашему браку. Бросьте капризничать, Скарлетт. Теперь у вас менее чем когда-либо причин отказывать мне. Баллихары больше нет. Вы на данный момент без крыши над головой. Не собираетесь же вы вечно пользоваться гостеприимством знакомых?

Его самодовольство подействовало на Скарлетт как красная тряпка на быка. Гордо вскинув голову, она язвительно заметила:

– Думаете, вы единственный человек на свете, способный поддержать меня? Найдутся и кроме вас!

Она повернулась, чтобы уйти, но Фэнтон схватил ее за локоть.

– Не переоценивайте свои возможности, – угрожающе прошипел он.

– Повторяю, я не выйду за вас, – проговорила Скарлетт отдельно, высвобождая руку. – Я не хочу жить с вами, я люблю другого.

Услышав это, Фэнтон, прежде невозмутимый, вышел из себя. Бледное лицо его вначале еще больше побелело, а затем покраснело от гнева.

– Ирландская дрянь! Решила опозорить меня?!

Каким-то непостижимым образом Ретт оказался рядом. Кэти осталась стоять на том же месте, будто вросла в землю, и округлившимися от изумления глазами следила за дикой сценой.

– Мне показалось или у вас возникли вопросы к моей будущей жене? – небрежно растягивая слова на южный манер, поинтересовался Батлер. – Я готов ответить.

– Вы?.. Вы готовы ответить? – смерил его неприязненным взглядом Фэнтон и отвернулся.

– Да, за эту женщину отвечаю я. Дуэль?.. Ваши условия? Пистолеты, шпаги? Я одинаково владею обоими видами оружия.

– Пистолеты, – выдавил Люк, с ненавистью сверля глазами Скарлетт.

– Я не в курсе английских правил, – продолжал между тем Батлер. – Нам потребуются секунданты?

– Можете взять Чатерлея, он не откажется. С моей стороны будет сэр Лоренс, здешний хозяин.

– Итак, завтра утром? Где?

Граф наконец обернулся к сопернику. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, граф с нескрываемой злобой, а Батлер с нарочитой веселостью.

– За разрушенной часовней. Вам скажут, где это. В шесть.

– Согласен, – кивнул Ретт.

Фэнтон развернулся и пошел прочь.

Скарлетт стояла ни жива ни мертва. Противоречивые чувства раздирали ей сердце. С одной стороны, она не желала, чтобы Ретт рисковал, а с другой – ликовала. Он любит ее, любит столь сильно, что готов пожертвовать собой! И все же, когда Фэнтон скрылся из глаз, она накинулась на Ретта:

– Ты спятил? Нет ничего глупее, чем ставить свою жизнь в зависимость от везения. А вдруг он убьет тебя? Я слышала, в нескольких дуэлях Фэнтон вышел победителем.

– Я тоже не раз участвовал в поединках, моя кошечка, но, как видишь, до сих пор жив.

– Отчего тебе взбрело в голову вмешиваться? – начала горячиться Скарлетт. – Я отказалась выйти за него, и Фэнтону пришлось бы это проглотить.

– Мне почудилось: еще секунда, и этот хлыщ ударит тебя. Вот тогда бы я точно убил его на месте, и сомневаюсь, что английский суд нашел бы доводы в мое оправдание. К тому же, дорогая, ты единственная женщина на земле, ради которой я готов рисковать.

За эти слова Скарлетт хотела тут же расцеловать Ретта, но маленькая ручка потеряла ее юбку.

– Мама, Ретт сказал, что ты не разрешишь мне кататься на чужой лошадке.

Взрослые обменялись взглядами.

– Он прав, доченька. Но ты можешь проехаться со мной или с Реттом на большой лошади. Это не так опасно. Пойди пока побегай, нам надо поговорить.

Кэт, подпрыгивая на каждом шагу, отбежала в сторону коновязи, а Скарлетт вернулась к прерванному разговору.

– Повторяю, я не хочу, чтобы ты рисковал. Я не перенесу, если тебя убьют!

Бровь Ретта взлетела в притворном удивлении, а губы насмешливо искривились. Вкрадчиво и ехидно он заметил:

– Ты расстроишься еще больше, когда узнаешь, что твоего имени нет у меня завещании. В случае моей смерти все достанется Розмари и Россу.

– Мне не нужны твои деньги! – горячо воскликнула Скарлетт, но тут же добавила совсем другим тоном: – Хотя не понимаю, зачем деньги твоим бездетным брату и сестре. По совести, они должны бы достаться Кэти.

– Я перепишу завещание, как только мы поженимся, моя прелесть. Вам с Кэт достанется большая часть. Тебя, конечно, не интересует, сколько...

Ей показалось, что он издевается над ней. Как можно говорить о деньгах, когда жизнь поставлена на карту?

– Меня это ни капельки не волнует, – проговорила она с видимым равнодушием.

– Около пяти миллионов. Конечно, кое-что я отпишу сестре и брату. Думаю, Лэндинг тебе ни к чему...

«Пять миллионов!» – мысленно охнула Скарлетт и тут же одернула себя. Ни к чему ей эти деньги, если Ретта не будет с ней.

– Милый, – постаралась она сказать как можно убедительней, – меня действительно не интересуют деньги. Оставь мысль о дуэли, давай уедем сегодня же.

– Я, конечно, понимаю, что ты не дашь мне умереть, пока я не перепишу завещание... – с трудом сдерживая улыбку, промолвил Ретт.

– Прекрати издеваться! – взорвалась Скарлетт. – Это уже становится не смешно!

Она развернулась, но Ретт задержал ее и, мельком оглядевшись, прижал к своей груди и поцеловал в лоб.

– Не стоит так кипятиться, кошечка. Вряд ли мне грозит большая опасность. Ты ведь помнишь, я попадаю в десятицентовик со ста шагов. Вот если бы граф выбрал шпаги... Должен признаться, что не упражнялся со времен Вест-Пойнта.

– Зачем же ты ляпнул про них?

Ретт пожал плечами.

– Наверное, это в крови. Вызывая на дуэль, чарльстонские джентльмены всегда предлагают противнику выбрать вид оружия.

– Только мужчины могут подставлять свои дурацкие головы под пули, – проворчала она. – Женщине никогда такое на ум не придет.

– Ваши очаровательные головки устроены совсем иначе. Имей женщины привычку часто подвергать свою жизнь риску, человечество давно исчезло бы с лица земли, – рассмеялся Ретт и крикнул дочери: – Эй, Кэти, если хозяйева дадут нам лошадь, поедешь покататься с мамой?

На вопросительный взгляд Скарлетт он пояснил:

– Прости, дорогая, я должен оставить вас. Мне надо найти Роджера, договориться по поводу дуэли, узнать про пистолеты...

Ретт ушел искать Чатерлея, а Скарлетт с Кэт направились к конюшне. На спокойной лошади с дамским седлом они с полчаса покатались по дорожкам тенистого парка.

Вернув лошадей, Скарлетт нерешительно двинулась в сторону дома. Она сомневалась, стоит ли вообще идти туда, и оглядывалась в поисках мощной фигуры Ретта, но вместо него увидела миссис Фэйн. Люси махнула ей рукой и поспешила навстречу.

– Вы виделись с Фэнтоном? – начала она, еще не подойдя.

Скарлетт кивнула.

– Что между вами произошло? Он на себя не похож. Всегда такой невозмутимый, а сейчас просто кипит от злости.

Прежде чем ответить, Скарлетт предложила Кэт побегать по саду. Когда дочь достаточно удалилась, она призналась:

– Я сказала Люку, что свадьбы не будет.

– Что?! – не поверила Люси. – Вы отказали ему, когда день свадьбы уже оглашен? Вот это новость! Пожалуй, она затмит собой Ирландское восстание... Будьте уверены, Скарлетт, многие красавицы, имевшие виды на Фэнтон, пропоют вам осанну. Уже месяц меня со всех сторон расспрашивают о вас. Скажу откровенно, выбор графа шокировал общество, и оно заранее было настроено против вас. Но теперь, после этого известия – популярность в Лондоне вам

обеспечена. Самый завидный жених Великобритании вновь свободен! Кстати, в чем причина? Неужели вы узнали о каких-нибудь его пашнях?

Было заметно: Люси сгорает от любопытства.

Скарлетт колебалась: не рассказать ли, что граф способен польститься на первую попавшуюся смазливую крестьянку? Возможно, это поубавит славы великосветскому хлыщу? А впрочем, какое ей дело до сплетен в лондонских салонах?

– Я люблю другого мужчину и выхожу за него замуж, – спокойно сообщила она.

– О! – воскликнула пораженная миссис Фэйн. – Не он ли держал за руку вашу дочь?

– Да, это он.

– Ну... – протянула Люси, – внешне импозантный, пожалуй, не уступит Фэнтону. Кто он?

– Американец, как и я. И никакого титула не имеет – если вас это интересует.

Миссис Фэйн поджала свои и без того тонкие губы.

– Не стоит язвить, милочка. Когда у нас говорят о титуле, в Америке спрашивают о счете в банке, не так ли? Я полагаю, ваш избранник богат?

– Он не самый богатый человек в Америке. Но у него достаточно денег, чтобы не думать о них.

– Это не он направляется сюда с Чатерлеем? Познакомьте нас. Хочется узнать, ради кого вы отказали Фэнтону.

Глава 2

Еще до обеда сестры Чатерлей знали о предстоящем поединке. Их брат был неспособен сохранить все в тайне.

Сара и Фелисити забросали Скарлетт вопросами. Как это было? Фэнтон, узнав, что она выходит за другого, вызвал Батлера на дуэль? Ретт очень рискует. Говорят, графу неизменно сопутствует везение, он никогда не получал ни царапины, хотя оскорбленные мужья не раз вызывали его.

Скарлетт старалась отвечать сдержанно, однако душу ее переполняло раздражение. Сестрицы без ума от счастья, что стали свидетельницами такой пикантной истории: сам лорд Фэнтон будет стреляться по соседству из-за женщины, гостящей в их поместье. О, им найдется, что рассказать подругам! Скарлетт ощущала, что, несмотря на симпатию к Ретту, Сара и Фелисити на стороне Фэнтон. Немудрено, ведь он английский аристократ, а Батлер – всего лишь какой-то американец.

Ночью, когда гости и хозяева разошлись по своим спальням и Кэти крепко уснула, Скарлетт пробралась в комнату Ретта.

– Ты рискуешь репутацией, моя кошечка, – сказал он, смеясь и обнимая ее. – Разве может невеста до свадьбы приходить по ночам к жениху? Нам придется вести себя очень тихо, чтобы никто не догадался, что ты здесь...

Он подхватил ее на руки и уложил на кровать. Дрожь пробежала по телу Скарлетт, когда он прижался губами к ее губам. Но уже через несколько мгновений оно стало разгораться от страсти. Ретт был нетороплив и терпелив, как самый нежный любовник, и она буквально таяла от счастья в его объятиях...

– Любимый, я не хочу, чтобы эта ночь была последней...

– Успокойся, Скарлетт, это не последняя наша ночь, – Ретт нашарил свои сигары, спичка на миг осветила умиротворенное лицо. – Тебе ведь известно, что я чертовски живучий тип. И, видно, не такой уж грешник, если господь помогал мне во всех драках и дуэлях. А в Америке – кроме, пожалуй, Чарльстона – нигде и понятия не имеют о дуэльном кодексе. Помню, на золотых приисках сцепились мы как-то с одним старателем из-за участка. Вся толпа тут же вывалилась из салуна и заполнила площадь, оставив лишь небольшой пятачок посередине. Никому и в голову не пришло останавливать нас, договариваться о виде оружия... Выбив из его рук нож, свой я тоже отбросил, но успел выхватить пистолет первым.

– Ты убил его? – не слишком удивилась Скарлетт.

– А что мне оставалось?.. В подобных местах не принято шадить противника, да он и не собирался просить пощады. Иногда дерутся до первой крови, но чаще – насмерть. Знаешь, бывают очень забавные условия поединка. Однажды, в Сан-Диего, мы стрелялись «на ку-ку»...

– Как это?

– Дело вышло из-за одной мулатки.

– Из-за цветной? – поразила ее.

– Повторяю, случай вышел в Сан-Диего. Белые мексиканки испанской крови очень строгие женщины, а эта жила при салуне. Борделей там нет. Кажется, ее звали Хуанита. Думаю, она была квартеронкой. Хуанита оказывала мне знаки внимания, пока ее возлюбленный гонялся за мустангами по прерии.

– Какие именно знаки внимания? – в голосе Скарлетт послышались нотки ревности.

– Самые разнообразные, – нагло усмехнулся Ретт. – Полукровки всегда очень темпераментны. И ты, моя прелесть, тому подтверждение.

Скарлетт предпочла удовольствоваться его завуалированным комплиментом и поторопила:

– Ты стал жить с этой девицей, и что дальше?

– В один прекрасный день мустангер вернулся и предъявил Хуаните счет, располозова ей щеку ножом. Жаль, испортил хорошенькое личико... А после кинулся ко мне. Нам не позволили драться в салуне. Общество постановило: это должна быть дуэль по самым жестким правилам. «На ку-ку». Соперников запирают в абсолютно темном помещении, снабдив шестизарядными револьверами. По договоренности первым подает голос обидчик. Он говорит «ку-ку», а соперник стреляет на звук. Подав голос, нельзя сходить с места до выстрела, но никто не увидит в темноте, если ты отклонишься или присядешь. После выстрела оба имеют право переместиться. Потом «кукует» второй соперник... И так до тех пор, пока один из них не замолчит.

– А если пули в пистолетах закончатся раньше?

– По-моему, до этого обычно не доходит. Тамошний народ отлично стреляет. Наверное, договариваются перезарядить оружие на ощупь....

Сигара пыхнула, и Скарлетт увидела, что Ретт улыбается.

– И чем закончился тот поединок?

– Если мы с тобой сейчас разговариваем, видимо, я убил того мексиканца, – рассмеялся

Ретт.

Она подивилась своей глупости, затем вздохнула и спросила:

– Неужели ты не боишься?

В полумраке спальни прозвучало искреннее:

– Единственное, чего я боюсь, – вновь потерять тебя, едва найдя. Тебя и нашу дочь.

– Ну вот, разве это не достаточный повод? – настаивала Скарлетт.

– Для мужчин, моя кошечка, честь превыше всего.

– Мне кажется, вы слишком усложняете себе жизнь этими понятиями о чести... Пустые слова!

– Не скажи... Давай представим на миг, во что превратится мир, если не думать о чести – мужской чести, я имею в виду.

Он затаился сигарой, и дым поплыл в лунном свете к распахнутому окну.

– Любой мужчина сможет оказывать знаки внимания любой понравившейся женщине, независимо от того, свободна она или замужем. И девушкам не нужно будет осторожничать в обращении. Ведь если мужской чести нет – к чему женская? Девушки станут крутить со всеми кавалерами подряд, женщины тоже не откажут своим поклонникам, а мужья-рогоносцы не посчитают себя оскорбленными, потому что им наплевать... Ведь не будет существовать понятия мужской чести.

– Что за чушь ты несешь, Ретт? – возмутилась Скарлетт.

– Пойдем дальше, – продолжал он, игнорируя ее реплику. – Не скованное кодексом чести человечество очень скоро превратится в сборище подонков и негодяев. Отсутствие страха перед осуждением за неблаговидный поступок, возможность безнаказанно оскорблять, обманывать...

– На свете и без того полно подонков и негодяев, – перебила она.

– Но все-таки, дорогая, большинство придерживается общепринятых правил морали и кодекса чести. И слава Создателю, что кто-то когда-то их выдумал. Без них жизнь превратилась бы в бедлам.

– Помнится, в свое время ты учил меня не задумываться над тем, что не имеет значения, и не обращать внимания на общепринятые правила. И разве ты сам не нарушал их?

– Молодости свойственна склонность к бунтарству, к несоблюдению правил. Именно тогда мы совершаем немало ошибок. А с тобой... Я просто забавлялся, видя, как легко транс-

формируется твоя гибкая совесть. Несколько лет ты была моим любимым объектом для наблюдений.

– Ретт, хватит шутить! Я правда боюсь, – прижалась она к нему.

– Не бойся, любовь моя, я не позволю этому типу меня продырявить. Иди в свою комнату, а я пару часов посплю, мне рано вставать.

Однако, закрыв за ней дверь, Ретт даже не прилег.

Ему надо было написать два письма. Берясь за первое, которое он собирался адресовать своему поверенному в делах, Батлер грустно усмехнулся: он вспомнил, как неоднократно беспечно проводил ночи накануне дуэлей в веселой компании, нисколько не заботясь о том, что будет, если удача отвернется от него и наутро его убьют. Человеку, обремененному большим состоянием, обязательствами перед родственниками, да еще недавно обретенными женой и дочерью, есть о чем позаботиться перед поединком.

Письмо поверенному состояло из чисто деловых указаний, касающихся имения в Данмор-Лэндинге, предполагаемого расширения добычи фосфатов, фабрики по их переработке, покупки и продажи акций. Адвокат получил инструкции на целый год, по окончании которого управление имуществом Батлера полностью перейдет в руки его сестры и брата. Счетом в банке они смогут пользоваться сразу после открытия завещания.

Второе письмо Ретт написал сестре. Он вкратце сообщал Розмари, что встретил в Ирландии Скарлетт и что у него есть дочь, которой осенью исполнится пять лет.

«...Конечно, Розмари, ты помнишь тот ужасный шторм, когда мы со Скарлетт чуть не утонули. Приводя ее в чувство в рыбацкой хижине, я не сдержался... Я ведь продолжал любить ее, хоть и сопротивлялся изо всех сил. И именно поэтому я сбежал тогда из Чарльстона. А Скарлетт в отместку решила навестить родню в Ирландии. Там она узнала, что у нее будет ребенок, и там же застало ее известие о разводе и о том, что я женился на Анне. Я помню, как ты любила Анну, и сам очень ценил ее, но поверь, если б я знал, то наплевал бы на все и был со Скарлетт и своей дочерью.

Это потрясающая девочка! Самая красивая из всех, кого я знал. Я не видел тебя маленькой, но, должно быть, Кэт похожа на тебя в детстве, в ней заметны черты нашей породы. Даже не скажи Скарлетт ни слова, я узнал бы свою дочь, так она похожа на меня. Кэти очень самостоятельная, серьезная и сообразительная. Она выросла настолько внутренне свободной, что всегда делает что захочет, при этом нисколько не капризна. Я надеюсь, вы подружитесь, когда познакомитесь.

Вынужден просить тебя об этом письменно, потому как может статься, лично поговорить нам большие не удастся. Утром у меня дуэль с человеком, который должен был жениться на Скарлетт в сентябре. Лорд Фэнтон оскорбился ее отказом, и мне пришлось вмешаться.

Представь себе, Скарлетт чуть не выскочила замуж за графа. Я очень вовремя появился. Скарлетт и английский аристократ! Ты вряд ли согласишься, но это действительно так. Она стала завзятой светской дамой и в Дублине танцевала с вице-королем, я видел это собственными глазами. Должен признаться, я следил за ней все эти годы. Скарлетт уже не та, что прежде, она очень изменилась. И я прошу тебя быть поласковой с ней.

Теперь перехожу к главной просьбе. Поскольку это письмо попадет к тебе только в случае моей смерти, считай его завещанием, так как у меня нет времени и возможности внести исправления в официальные бумаги.

По завещанию, хранящемуся в конторе Ансона, я отписал двести тысяч долларов Россу, а остальное – капитал, акции и Лэндинг – тебе, Розмари. Сейчас я прошу тебя передать акции Скарлетт. Адвокат объяснит, как оформить эту сделку. Дело в том, что мы со Скарлетт не успели пожениться, бракосочетание должно состояться в субботу, но я могу не дожить до

него, и все-таки хочу, чтобы основная часть состояния досталась моей дочери. Стоимость акций около пяти миллионов. Не опасайся отдать их Скарлетт. Она, конечно, любит деньги, но уж точно не пустит их на ветер, как сделал бы наш брат, а, пожалуй, еще и приумножит со временем.

Надеюсь, Розмари, ты выполнишь мою просьбу. В любом случае у тебя останется Лэндинг и достаточно средств для свободной беспечной жизни. И если ты решишься выйти замуж, то принесешь своему супругу приличное состояние.

Если ты прочитала эти строки – знай, меня уже нет. Письмо будет отправлено только в случае моей смерти.

Милая моя сестренка, ты была для меня самым близким человеком в нашей семье.

Прощай.

Твой брат

Ретт.»

Запечатав конверт и положив его поверх первого, Ретт черкнул на листке бумаги: «Отправить адресатам в случае моей смерти».

Немного поколебавшись, он вновь взялся за перо.

«Скарлетт, я впервые пишу тебе любовную записку, но, может, она станет и последней.

Не буду описывать свою любовь к тебе и Кэти, ты все сама знаешь и чувствуешь.

Если меня не станет, возвращайся в Америку. Ты найдешь в Розмари преданную подругу и любящую тетку для Кэт. Зная твою нелюбовь к Чарльстону, я не надеюсь, что ты подолгу будешь гостить у Розмари. Но все-таки не забывай ее. Сестра передаст тебе акции на пять миллионов – надеюсь, ты приумножишь их ради нашей дочери.

Ты, конечно, помнишь, что я не верю в загробную жизнь, но чем черт не шутит – может, мы там встретимся?

Я люблю тебя.

Целую,

Твой Ретт.

P.S. Не стоит соблюдать траур по мне, дорогая, тебе не идет черное».

Поставив точку, Батлер перечитал исписанную страничку и грустно усмехнулся.

Никогда он не шел на дуэль в таком настроении, и никогда еще ему так сильно не хотелось жить.

«Какого дьявола они не ставят погребцы в комнатах гостей! – раздраженно подумал он. – Немного виски мне бы сейчас не помешало».

Ретт подошел к окну. Ночная темнота поредела, приближался рассвет.

Пора собираться. Если он спустится раньше Чатерлея, будет время хлебнуть стаканчик перед тем, как подставит свою голову под пулю английского аристократа.

Он успел выпить пару рюмок в буфетной, когда в гулком холле слышались шаги.

Роджеру Чатерлею впервые выпало исполнять роль секунданта, и он сильно нервничал. Батлер же держался так, будто они всего лишь собрались на раннюю прогулку. Пожав друг другу руки в знак приветствия, приятели направились к конюшне. Там их ждали две оседланные лошади.

– Здесь недалеко, не больше мили, – объяснил Чатерлей, – но я подумал, что лучше верхом, на случай, если... – он замялся.

– На случай, если меня убьют или ранят, – невозмутимо закончил за него Ретт. – Не стесняйтесь, Роджер. У дуэли может быть три исхода, и лишь в одном из них удобно возвращаться пешком.

Не прошло и десяти минут, как они, миновав парк, широкий луг и небольшую рощицу, оказались возле старинного заброшенного кладбища. В стороне виднелись руины церкви.

– Этим камням, наверное, лет пятьсот, – огляделся Батлер.

– Вы почти угадали. Церковь сгорела при Вильгельме Оранском. Почему-то ее не восстановили, и хоронить здесь перестали.

Из рощи по ту сторону кладбища послышался топот копыт. Вскоре невдалеке спешили два всадника. Они привязали лошадей к полуразвалившейся ограде.

Согласно дуэльному кодексу, сперва секунданты предложили сторонам решить дело миром, но ни тот, ни другой соперник не пожелал извиняться или принимать извинения. Сэр Лоренс, сухопарый седой джентльмен, кивнул Чатерлею и вернулся к своему другу. Роджер подошел к Батлеру.

– По правилам я должен осмотреть пистолеты, но я ни черта не смыслю в дуэльном оружии...

– Надеюсь, у моего противника не хватит подлости подсунуть мне негодный пистолет... – хмыкнул Ретт.

– Мы договорились о тридцати шагах.

– Отличное расстояние. С него легко можно продырявить друг другу шкуру.

Роджер с удивлением покосился на Батлера, и за небрежной усмешкой ему почудилась хорошо скрытая беспощадность.

Через некоторое время расстояние было отмеряно, вместо барьеров брошены на траву плащи соперников.

Ретт огляделся. Солнце недавно поднялось, и туман над лугами местами уже растаял. «День будет жарким», – подумал он отстраненно и, взведя курок, стал ожидать сигнала.

Сэр Лоренс дал отмашку, соперники начали сближаться.

Выстрелы прозвучали почти одновременно, но Фэнтон на долю секунды опередил Батлера. За мгновение до того, как пуля настигла его, Ретт поскользнулся на влажной от росы кочке.

Не сомкнув глаз, Скарлетт проворочалась в постели два часа, затем поднялась, накинула халат и стала нервно мерить шагами комнату. Она то и дело выглядывала в окно, выходящее в парк, и прислушивалась, не раздадутся ли шаги Ретта в коридоре.

Около половины шестого утра он прошел мимо ее комнаты к лестнице, ведущей вниз. Скарлетт кинулась к двери, но не решилась открыть ее. Сжимая зубы, она приказала себе: «Я не должна. Когда мужчины выясняют отношения, женщинам не стоит вертеться у них под ногами. Если сейчас брошусь Ретту на шею, я только все испорчу».

Больше часа она провела в мучительном ожидании, моля господа, чтобы все кончилось хорошо, чтобы Ретт остался жив, чтобы не пострадал. Она с ума сходила от тревоги и совсем забыла про Фэнтон, даже ненависть к этому холодному мерзавцу испарилась из сердца, ее волновал только Ретт. Неужели, едва подарив ей счастье, судьба вновь отнимет его?

Наконец послышался приглушенный травой стук лошадиных копыт. Скарлетт высунулась в окно. Два всадника!

Не помня себя от радости, она слетела по лестнице в холл и уже стояла у дверей, когда мужчины вошли.

– Ретт! – кинулась она ему на шею.

Батлер поморщился, обнимая ее одной рукой.

– Тихо, радость моя! Ты переполошишь весь дом!

– Ну и пусть! – воскликнула Скарлетт, прижимаясь еще крепче, и только тут заметила, что левая рука Ретта, перетянутая жгутом из его же рубашки, покоится на перевязи под плащом.

– Ты ранен?!

– Ерунда, царапина. Меня спасла роса на траве. Не время причитать, Скарлетт, дело серьезное.

Не понимая, она уставилась на него. Только что он сказал – ерунда, царапина...

– Фэнтон мертв, – мрачно сообщил Чатерлей.

Скарлетт растерянно переводила взгляд с Ретта на Роджера. Ретт выглядел бледнее обычного, но при его смуглой коже это было не так заметно, зато Чатерлей казался блее полотна.

– Полагаю, нам не мешает выпить, – предложил Батлер, беря приятеля под руку и увлекая в сторону буфетной.

Он налил коньяк в две рюмки, затем, покосившись на Скарлетт, наполнил еще одну.

– Выпей, дорогая, сейчас тебе потребуется присутствие духа.

Залпом опрокинув в рот коньяк, он проследил, чтобы и Роджер свою рюмку допил до дна. Скарлетт лишь пригубила.

– Так в чем проблема, я не понимаю? – осведомилась она, глядя на серьезное лицо Ретта. По ней, так он должен бы веселиться, ликовать – ведь он остался жив, а противник убит!

– Дело в том, что в Великобритании, как и во всем цивилизованном мире, в том числе во многих штатах Америки, дуэли запрещены. И застрелившего человека на дуэли судят здесь как убийцу.

Скарлетт застыла от ужаса. Судят? У нее в голове не укладывалось. За что? Ведь соперники добровольно идут на риск.

– Суд? Ты спятил, Ретт! И ты, зная об этом, молот всю эту чушь про кодекс чести?

– Миссис О'Хара, – вмешался Роджер, – вам надо срочно уехать, покинуть страну. Я приказал заложить коляску, вы сядете в Саутгемптоне на первый попавшийся пароход... Сэр Лоренс обещал не извещать полицию до полудня.

Ретт утвердительно кивнул.

– Да, родная, свадьба в субботу не состоится. Быстро собери вещи и разбуди Кэт. Хотелось бы покинуть дом до того, как поднимутся наши гостеприимные хозяйки.

Он подтолкнул застывшую в замешательстве Скарлетт в сторону лестницы и обернулся к Чатерлею.

– Спасибо, Роджер. И передайте сэру Лоренсу мою признательность за отсрочку. Жаль, что мы с вами больше не увидимся. Вряд ли я когда-нибудь осмелюсь ступить на английскую землю.

Глава 3

Почти все время, пока пересекали Ла-Манш, Скарлетт провела на палубе с дочерью. Незадолго до того, как судно причалило к берегу, она разбудила отсыпавшегося в каюте Ретта.

– Не понимаю, как ты можешь спокойно спать!

– Дорогая, с твоей стороны было бы естественнее проявить снисхождение, – проворчал Ретт, с трудом открывая глаза. – Твой муж не спал всю ночь, к тому же он ранен.

– Позволь напомнить, ты мне не муж, – холодно заметила Скарлетт.

– Ах вот в чем причина твоего раздражения! – протянул он, и в глубине черных глаз сверкнули веселые искорки. – Свадьба откладывается... Успокойся, обещаю не устраивать больше дуэлей, пока мы официально не зарегистрируем наш брак.

– Прекрати шутить! Ты прекрасно знаешь, что не твое наследство волнует меня, – возмутилась Скарлетт.

– И все-таки мы подумали об одном и том же, – ехидно усмехнулся Ретт, осторожно надевая пиджак.

Скарлетт взялась помогать ему.

– Больно? – притронулась она к месту на предплечье, которое собственноручно перебинтовала на рассвете.

– Немного. От таких пустяковых ран больше неудобства. Ничего, на мне все заживает, как на собаке. А где Кэт?

– На палубе.

– Одна?... – он покачал головой. – Это небезопасно.

– Попробуй сам побегать за ней! Я устала лазить по лестницам и искать ее.

– Ребенку нужна няня. Я бы рад проводить с Кэти все время, но бывают случаи, когда ребенка нельзя взять с собой. Да и тебе, моя прелесть, не мешает отдохнуть от забот. Как только приплывем в Америку, найдем гувернантку.

– Мы что, едем в Америку? А как же путешествия, ты ведь обещал!

Глядя на ее растерянное лицо, Ретт рассмеялся.

– Ты уж реши окончательно, моя кошечка, чего хочешь – путешествовать со мной в качестве... мм-м... любовницы или поскорее вновь выйти за меня замуж.

Оскорбленная словом «любовница» Скарлетт моментально вскипела:

– Так бы и придушила тебя на месте! Значит, по-твоему, мы всего лишь любовники? У нас общая дочь!

– Лично мне было бы плевать на официальную регистрацию, но именно из-за Кэт нам стоит поторопиться. Я хочу, чтобы она как можно скорей назвала меня отцом. Брак, зарегистрированный в Америке или Англии, предпочтительней бумажки на французском языке, которую не сможет прочесть ни один американский мэр.

– И я тоже, – пробормотала она, насупившись.

– Хватит дуться, самое большее через три недели ты вновь станешь с гордостью носить мою фамилию. И к тому же я просто уверен, что тебе не терпится покрасоваться в обществе Атланты и побывать в Таре.

Тара... Сердце Скарлетт заняло при воспоминании о родном доме. Конечно, она хочет там побывать, увидеть, какими выросли ее старшие дети. Ведь Уэйду уже восемнадцать, а Элле недавно сравнялось тринадцать лет.

– Конечно, я буду рада повидать всех в Таре, – задумчиво проговорила она, – а что до Атланты... Где ты видел там общество? К твоему сведению, среди моих друзей в Ирландии было немало лордов.

– Я в курсе, – со значением кивнул Ретт. – И одного из них я пристрелил нынче утром.

– О, Ретт! Я совсем забыла об этом... Но мне ни чуточки не жаль Люка. Он был самым бессердечным типом из всех, кого я в жизни видела.

– Он тебе чем-то насолил? Какого ж дьявола ты чуть не выскочила за него?

– Нет, собственно, ничего такого он не сделал. И... Ты должен знать, между нами ничего не было. Мы только поцеловались, один раз. Я... я почти готова была полюбить его, мне казалось, у вас с Люком есть что-то общее. Только когда он появился в моей жизни, я стала поне-многу забывать о тебе... Я тешила себя надеждой, что Фэнтон влюблен в меня. Во всяком случае, он явно желал меня как женщину.

При последних словах Батлер, внимательно слушавший ее объяснения, расхохотался.

– Что смешного я сказала? – нахмурилась Скарлетт.

– Дорогая, открою тебе секрет: любой мужчина, если он еще не старик, способен желать как женщину первую встречную красотку.

– Ты имеешь в виду шлюх? – раздраженно воскликнула она.

– Нет. Любую хорошенькую женщину. Только вот осуществить подобные внезапные желания можно лишь со шлюхами или... Или с женой, если страстно любишь ее.

Он собирался обнять Скарлетт, но она вывернулась.

– То есть, ты хочешь сказать, что Фэнтон желал меня как шлюху?

– На твоём прелестном личике написано, что так оно и было, и именно этого ты ему не можешь простить. Ну а дальше? Каким образом тебе удалось вынудить его сделать предложение?

– Не мне. Это все Кэт. Она произвела на Фэнтон очень сильное впечатление. Впервые он увидел ее балансирующей на спине огромной кобылы.

– Что?!

– Она пробралась в конюшню, сняла ботинки и чулочки и забралась на спину Кометы. Кэти такая же бесстрашная, как ты.

– Не пытайся задобрить меня комплиментами. Ты ужасная мать, Скарлетт! Почему ты оставляешь без присмотра маленького ребенка?

– Я сама постоянно боюсь. Но уследить за ней просто невозможно. Ты говорил о гувернантке. Не знаю уж, кто согласится целый день носиться за этим чертенком. У нас была одна гувернантка, но Кэти больше играла с ее сыном. Она смотрела мальчишке в рот и буквально боготворила его. Но когда я отправила Гэрриэт и Билли в Америку, Кэти не проронила ни слезинки, хотя переживала. Кстати, Гэрриэт вышла замуж за Эшли Уилкса, как я и надеялась, посылая их в Атланту.

– Не заговаривай мне зубы. Рассказывай дальше про своего графа.

– Люк очень заинтересовался Кэти. Подробно расспрашивал меня о ней и через некоторое время сделал вывод, что я должна родить ему сына, которым он сможет гордиться. Такого же здорового, бесстрашного и волевого, как Кэт. И сказал, что, выполнив эту миссию, я буду практически свободна, но при этом иметь все привилегии графини, его деньги... К тому же он обещал удочерить Кэт и хорошо к ней относиться.

– И в отместку за то, что он не влюбился в тебя без памяти, ты решила надуть этого негодяя, выйти за него замуж, не сообщив о том, что Кэт – последний твой ребенок?

– Нет, все было не так.

Даже сейчас при воспоминании о той омерзительной сцене в душе Скарлетт вскипел давний гнев.

– Как ты мог подумать такое! Конечно, я тут же отказала ему. Сделка, которую он предлагал, показалась мне унижительной. Даже если бы я могла иметь детей... По его мнению чувства, любовь – глупые романтические выдумки. Этот бессердечный монстр никогда не знал любви, не верил в ее существование! Честное слово, когда он сказал это, я ощутила, будто мне наплевали в душу. Ведь я-то знаю, что такое настоящая любовь. И я указала этому мерзавцу на дверь.

– Вот как? – Ретт хмыкнул, и бровь его удивленно взлетела вверх. – Теперь уж я вовсе ничего не понимаю... А как же брачное объявление в газете?

– Я отказала, но он не поверил, что моя ненависть сильнее желания получить титул и богатство. А меня не очень-то прельщало его состояние... Собственно, мне больше хотелось утереть нос великосветским красавицам, мечтавшим заполучить Люка в мужья. Он считался самым завидным женихом во всей Великобритании.

– Ах вот в чем дело... Взвесив все преимущества, ты передумала...

– Да никогда бы я не дала согласия, если б не узнала от Барта, что у вас с Анной будет ребенок! Фэнтон как раз оказался под рукой, спросил, приняла ли я решение и... И я сказала да. Я думала, что навсегда потеряла тебя.

Ретт покачал головой, обнял ее здоровой рукой и поинтересовался:

– Надеюсь, на этот раз ты собралась замуж по любви?

Очутившись по ту сторону Ла-Манша, Скарлетт решила, что если уж они не так далеко от Парижа, то она должна увидеть его и заодно пополнить свой гардероб – ведь заказанные к свадьбе наряды остались у портнихи в Бристоле.

Ретт был согласен с тем, что нельзя показываться в Атланте и Чарльстоне в платьях, наспех купленных в Голуэе. К тому же он пообещал в свободное от выбора фасонов и примерок время показать ей достопримечательности Парижа.

Они поселились в «Ритце», в двух шагах от Рю де ла Пэ, улицы, на которой сосредоточились самые шикарные магазины и мастерские знаменитых портных, в том числе законодателя моды – Ворта. Посмотрев эскизы бальных платьев, которые Скарлетт заказала в его салоне, Ретт одобительно хмыкнул.

– Кто привил тебе такой вкус, кошечка? Я бился над этим несколько лет и не продвинулся ни на йоту.

– Я одевалась у лучшей портнихи Дублина, дорогой, – не без гордости ответила она. – Чтобы стать ее клиентками, дамы готовы продать душу дьяволу. Знал бы ты, какое свадебное платье задумала сшить Дэйзи...

– То, в котором ты блистала на балу в замке, – ее творение? Ты была великолепна!

Ювелирные лавки они тоже удостоили вниманием, ведь у Скарлетт не осталось ни одного украшения, кроме сережек, когда-то подаренных отцом, – они были на ней в день пожара в Баллихаре. Больше всего она сокрушалась о кулоне, переделанном из обручального кольца Ретта, но вполне утешилась, получив в подарок бриллиантовый гарнитур с изумрудами – серьги, колъе и браслет, несколько ниток крупного жемчуга и золотое обручальное кольцо с цветком из десяти бриллиантов.

Кроме магазинов они посетили Нотр-Дам, прокатились в коляске по бульварам, осмотрели музей Лувра.

Ретт посмеивался, видя, как Скарлетт пытается отвлечь Кэти от созерцания античных статуй и полотен Тициана, однако тоже не нашелся, что ответить, когда девочка поинтересовалась, почему они все голые.

– Тут есть залы с приличными картинами? – шипела Скарлетт. – Такие только в борделях вешать...

– А ты что, бывала в борделях? – съехидничал Ретт. – Не будь ханжой. Во все века художники воспевали красоту человеческого тела.

– Вот и объясни это Кэти, – горячилась она. – Ни к чему было вести ее сюда, смотреть на все это безобразие.

Вечером, когда Скарлетт, уже в ночной сорочке, расчесывала на ночь волосы, Ретт протянул ей кусочек картона, похожий на почтовую открытку, сложенную домиком.

– Здесь стеклышки, посмотри – увидишь картинку.

Она поднесла к глазам странный предмет, взглянула, ойкнула и брезгливо отбросила его в сторону.

Ретт расхохотался, подобрал открытку, аккуратно сложил и сунул в карман халата.

– Что это? – недовольно нахмурилась Скарлетт.

– Открытка для мужчин, – невозмутимо объяснил он. – Приблизительно такие картинки украшают стены в публичных домах. Эта называется, – он достал и прочел: – «Дама, натягивающая чулки».

– Прежде чулок дамы надевают сорочку!

– Тогда было бы не настолько интересно. Есть и другие сюжеты, не хочешь посмотреть?

Он явно подзадоривал ее. Скарлетт насупилась и отвернулась к зеркалу.

– Ты что, в борделе был? – раздраженно поинтересовалась она. – Где ты достал эту гадость?

– Купил на бульваре. Газетчики продают такие штуки из-под полы. Хотя, ты права, в борделях всегда есть набор подобных открыток. Но дающие объемное изображение мне попались впервые, вот я и купил несколько.

Ретт открыл свой несессер, откинул крышку потайного отделения, но перед тем как положить открытку к остальной коллекции, вновь поднес к глазам.

– Если смотреть просто так, изображение смазанное. Снимки делают с двух аппаратов, потом накладывают друг на друга...

Говоря это, он покосился на Скарлетт. Та пожирала глазами пачку открыток.

– Что, проснулось любопытство?

– Так это дагерротипы?

Ретт кивнул, протягивая ей еще картинку.

– На этой как раз показано, как происходит съемка.

Скарлетт схватила открытку.

– Ой, они как живые!

– Что особенно привлекательно для мужчин... А теперь взгляни на эту.

– Фи! Разве женщины могут ласкать друг друга?

– Предполагается, что не могут, но, как видишь... А вот еще.

– Нет, больше не буду смотреть. Какая мерзость!

Ее возмущение выглядело наигранным.

– Зеленоглазая лицемерка, – рассмеялся Ретт. – Тебе ведь интересно. Посмотри, здесь толстушка...

– Да она просто корова, – вынесла вердикт Скарлетт. – Будь у меня такая фигура – я в жизни бы ни перед кем не разделась...

– Вот мы и подошли к главному. Ты считаешь свое тело достаточно красивым, чтобы показать его мужчине...

– О чем ты, Ретт? Кому это я его показывала?

– Ба! Вроде бы, выходя за меня замуж, ты не была девственницей...

– Чарли ничего не видел, я всегда задувала свечу, – торопливо возразила она.

– Дурак был твой Гамильтон, зеленый мальчишка. А второй твой муженек, мистер Кеннеди... – губы Ретта брезгливо искривились. – Поражаюсь, как ты умудрилась зачать от него? Он что, тоже ничего не видел?

– Не помню, – ответила Скарлетт и рассмеялась.

– Но я-то лицеизрел тебя не только в ночной сорочке, моя кошечка, и то, что я видел, прекрасно... Женская нагота не только возбуждает, она рождает эстетические чувства.

Скарлетт вздохнула, взор ее затуманился. Ей вдруг вспомнился Чарльз Рэглэнд, страстный шепот в залитой луной комнате и нежные руки, ласкающие ее обнаженное тело.

Ретт наблюдал за ней, в глубине темных глаз что-то мелькнуло. Помолчав немного, он спросил:

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Что?.. – очнулась Скарлетт.

– Мне кажется, ты вспомнила о чем-то, чего я не знаю. Это не Уилкс. Фэнтон?..

Скарлетт закусила губу. Опять Ретт читает по ее лицу, будто по раскрытой книге.

Он смотрел выжидающе. Ей вспомнилось, как он всегда требовал, чтобы она говорила правду. Да и к чему лгать? Он тогда был женат на другой, а Чарльз больше нет... Она колебалась. Если не скажет, Ретт способен рассердиться, а если скажет... Что будет, когда он узнает?

Не дождавшись ответа, Ретт поднялся и пошел в сторону двери. Скарлетт испугалась, что он сейчас уйдет. Сколько раз в их прежней жизни случалось, что, рассердившись, он исчезал на несколько дней.

– Постой, Ретт. Это не Фэнтон. Между нами ничего не было. Это Чарльз Рэглэнд, тот офицер, которого убили в Баллихаре. Он был влюблен в меня и долго добивался взаимности. А я... Я думала, что если... если я позволю ему... то, может, потом сумею полюбить. Я была так одинока, мне так хотелось любви... Но ничего не вышло. Я не смогла ответить на его чувства. Я была как каменная. Это было всего один раз.

Умолкнув, Скарлетт отвернулась к зеркалу и закрыла лицо руками от стыда. Только что она призналась, что изменяла Ретту. Или это нельзя назвать изменой?.. Нет, это была измена, измена своей любви.

Ретт подошел так тихо, что она вздрогнула, когда большие теплые ладони легли ей на плечи.

– Бедная моя девочка... Думаешь, я буду ревновать к прошлому? Это глупо, тем более к покойнику.

– Я сама себя ругала за то, что поддалась минутной слабости, – с несчастным видом проговорила Скарлетт. – Мне хотелось тепла... У меня было такое ощущение, будто внутри застыла пустота, которая мешает мне жить, дышать. Я была так одинока...

– Ты всегда была одинокой, даже когда вокруг было полно людей, – без тени иронии вымолвил Ретт. – Ты обладала удивительной способностью отвергать все доброе.

– Это давно, тогда, в Атланте. О чем ты вспоминаешь? Я уже не та, совсем не та, что прежде. И я ведь знала – чтобы не чувствовать себя одинокой, мне нужен ты, только ты. Но ты был далеко, с другой...

– Теперь я с тобой, дружок, и хватит плакать. Вот платок, вытри глазки и давай дальше смотреть картинки.

Она помотала головой.

– Не хочу больше смотреть эти пошлые картинки. Подари их своей Уотлинг.

– Красотки больше нет. Это на ее похороны я ездил год назад в Атланту.

– Туда ей и дорога! – не сдержалась Скарлетт.

– Она тоже не испытывала к тебе добрых чувств, – вздохнул Ретт.

– А мне плевать на эту рыжую тварь!

Он укоризненно покачал головой.

– Красотка была живым человеком. Не слишком счастливой женщиной, которой самой пришлось пробиваться в жизни.

– Пробиваться? Видела я, как она пробивалась! – раздраженно воскликнула Скарлетт. – В те времена, когда вся Атланта голодала и ходила в лохмотьях, она наряжалась в шелка. Когда ни у кого за душой и гроша не было, в ее кошельке звенело золото. И я прекрасно помню, что это ты задаривал ее подарками и заваливал деньгами.

– Ну, не один я пользовался ее услугами. И не мог же я заваливать деньгами тебя? – сказал он, и глаза его насмешливо блеснули. – Ты бы их, конечно, с радостью приняла, но

что сказала бы твоя матушка? Или мисс Питтипэт? Или, боже упаси, миссис Мэрриуэйзер? Во время войны порядочной женщине, да еще вдове, полагалось отдавать все свои богатства на благо Конфедерации. А ты никогда не была способна расстаться с золотом, оказавшимся в твоих цепких ручках, разве что истратить их на наряды или на Тару. И, если уж вспоминать как следует, кое-какие подарки ты от меня все-таки получала, и я ничего не просил взамен.

– Лучше бы просил... – невольно улыбнулась Скарлетт.

– Да, я видел, что ты обескуражена. Меня поражало, что, столь сильно любя Уилкса, ты готова была целоваться чуть ли не с первым встречным.

– Не говори ерунды! – возмутилась она. – Ты не был первым встречным. Ты был другом нашей семьи, тебя приветчала тетя Питти, и Мелли тебя уважала.

– Но другим-то ты дарила поцелуи?

– Я только позволяла поцеловать себя в щеку. И не так уж много было этих других.

– Половина гарнизона Атланты... – поддразнил Ретт.

– Неправда! Всего дюжина. А почему ты не добивался меня тогда? Все могло пойти иначе...

– Твои мысли целиком были заняты Уилксом, к тому же мне не подходит роль влюбленного идиота, выпрашивающего поцелуи в щечку. По мне – или все, или ничего.

– Но ты мог сказать, если любил меня. Почему ты молчал? – настаивала Скарлетт.

– Только ты, моя прелесть, можешь в открытую признаться в любви человеку, который тебя не любит. Я на такие подвиги не способен!

– Это все от воспитания, – вздохнула она. – Знаешь, я много думала, когда болела после родов. Нас неправильно воспитывали. Нам с детства твердили: не показывайте свои чувства, будьте сдержанны, ведите себя достойно... Вот и получается, что от этой сдержанности люди не понимают друг друга. Ты не показывал своей любви ко мне – откуда я могла знать? Если б знала, я бы раньше поняла...

Ретт покачал головой:

– Если бы знала, ты бы жутко возгордилась и начала вертеть мной.

– Ты сам говорил, что тобой вертеть нельзя!

– Ну, до какой-то степени можно... Что говорить, дурацкий у меня характер, боюсь оказаться под каблуком.

– У тебя очень мужской характер. Ты непреклонный, гордый, сильный, храбрый...

Глядя на нее сверху вниз, Ретт изрек, едва сдерживая улыбку:

– Продолжайте, мадам, ваши комплименты я готов слушать часами.

Она встала, обвила руками его шею, прижалась головой к груди, слушая размеренный стук его сердца.

– О, Ретт! Я люблю тебя. Скажи, что любишь меня...

– Тебе достаточно одних слов? – в вопросе прозвучал намек.

– Нет, недостаточно...

Глава 4

– Может, все-таки найдем гувернантку-француженку? Надо обратиться в агентство по найму. Вдруг там найдется воспитательница, знающая английский? – предложил наутро Ретт.

Скарлетт пожала плечами. Она измучилась, пытаясь не спускать с Кэти глаз. Кроме того, приходилось заботиться о ее одежде. Слишком много хлопот для женщины, не привыкшей проводить с ребенком все свое время.

Но в агентстве, куда они обратились, не нашлось никого подходящего. Ни одна из претенденток, знающих английский язык, не соглашалась отправиться с семьей в Америку или прослужить всего две недели до их отъезда.

Однажды в коридоре гостиницы Скарлетт столкнулась с горничной-негритянкой. Кэти, увидев женщину с черной кожей, спряталась за материнскую юбку и выглядывала оттуда с удивлением и интересом. Негритянка смущенно поклонилась. Скарлетт улыбнулась ей ободряюще, а дочери сказала:

– Пойдем, хватит прятаться.

– Простите, мэм, – извинилась горничная. – Видать, я испугала девочку. Не бойся, лапочка. Ох, и красавица ваша дочка, мэм, – лицо чернокожей расплылось в доброй улыбке.

– Кэти не испугалась. Правда, солнышко? Просто она никогда не видела негров.

– Откуда ж тут неграм взяться... Должно, я одна негритянка на весь Париж.

– Как ты здесь оказалась? Говор у тебя как у наших южных негров...

– А вы с Америки, мэм? Вот радость-то, своих встретить! Я из Мемфиса, мэм. Приехала сюда с господами, уж год почти как... Да только господа мои сбежали из гостиницы. Мистер Ричард в пух и прах проигрался в Карле. Это город такой французский, далеко, на берегу моря. А потом он сюда вернулся, к мисс Сесилии, и они вместе уехали, без багажа, не расплатившись за постой. И мне ни словечка не сказали, что уезжают, и жалованья, почитай, полгода не платили. Бросили они меня, как собаку... Очень я обижена на своих господ. Хорошо хоть меня горничной в отеле оставили, на улицу не выкинули, а то куда ж я, без денег, ни словечка поихнему не понимая? Вот накоплю из жалованья на билет до Америки и поплыву пароходом домой.

Негритянка выглядела лет на тридцать. Рослая и склонная к полноте женщина была одета в серое форменное платье и белый передник, голову ее украшал аккуратный тюрбан из ткани в мелкий цветочек. Скарлетт так давно не видела негров, что добрая физиономия горничной вызвала у нее умиление.

– Как тебя зовут?

– Бэтси, мэм.

– Так ты, Бэтси, хочешь домой? Мы скоро поедем в Америку и можем взять тебя с собой. Согласна стать моей горничной?

Черное лицо озарила белозубая улыбка:

– Конечно, согласна, мэм. Я хорошая горничная. Можете любого в Мемфисе спросить, все скажут, что Бэтси честная девушка. Я из дома мистера Уиллиса. До войны у него была большая плантация, но только мы с матерью по дому работали. А как после войны плантации-то не стало, так все в город перебрались. Двух сынков мистера Уиллиса в войну убили, а сам хозяин уж после помер. Остались только дочки его, мисс Хэтти и мисс Сесилия. Мисс Хэтти замуж вышла и уехала в Ричмонд, а мисс Сесилия подцепила какого-то янки. Проходимец он, прости господи... Взял денежки, которые у мисс Сесилии были, и говорит: «Поехали в Европу, там есть такие дома, где можно немного денег поставить да целую кучу выиграть. Рулетка называется». Привез он нас с мисс Сесилией в Париж и оставил здесь, а сам в Карлу уехал, деньги добывать. Да все там и спустил. Мисс Сесилия поплакала-поплакала, а потом обняла меня, и

говорит: «Сиди здесь, Бэтси, а мы пойдем, погуляем». Ушли они и не вернулись. Вы вправду в Америку поедете, мэм? А скоро?

– Недели через две-три. Пойдем к нам в номер, Бэтси, я познакомлю тебя с мистером Батлером.

Ретт одобрил идею Скарлетт взять к себе Бэтси.

– Всегда считал, что черные слуги лучше белых.

– Я хорошая негритянка, сэр. Возьмете меня, так не пожалеете.

– Надеюсь, что так. А как насчет того, чтоб присматривать за Кэт, пока мы не найдем ей мамушку?

– Я, конечно, мамушкой не была, сэр. Да только, думаю, справлюсь. Отчего ж не присмотреть за такой красивой девочкой.

Скарлетт вздохнула с облегчением. Теперь она будет избавлена от многих забот.

Бэтси оказалась опытной горничной, к тому же умела делать прически. Кэт вначале настороженно относилась к негритянке, но быстро привыкла и уже через два дня сама забиралась к ней на колени и с удовольствием слушала тягучие песни, которые та напевала приятным мягким голосом.

Увидев, что дочь вполне поладила со своей новой мамушкой, Ретт приобрел билеты в Оперу. На всякий случай он спросил у девочки:

– Кэти, если мы с мамой пойдем вечером в театр, ты не побоишься остаться вдвоем с Бэтси?

Зеленые глазки загорелись:

– В кукольный театр?

– Нет, моя крошка, во взрослый театр, туда девочки не ходят.

– А в кукольный мы пойдем?

– Обязательно. Но днем. А сейчас вечер. Скоро тебе ложиться спать.

– Тогда идите, – разрешила Кэт. – Я останусь с Бэтси и буду спать.

Лицо Скарлетт озарила гордая улыбка.

– Я говорила тебе, что она особенная? Ты видишь, она может настоять на своем, но и интересы других соблюдает.

– Потрясающий ребенок! – подтвердил Ретт.

В этот вечер в Опере давали «Кармен». Скарлетт наряжалась с особой тщательностью, ведь они с Реттом шли в самый знаменитый театр Европы. Платье из серебристого шелка только сегодня привезли от Ворта. Оно сидело безукоризненно, жемчужный гарнитур украшал точеную шею, веер из страусиных перьев дополнял наряд. Любуясь на себя в зеркало, Скарлетт подозвала Ретта и взяла его под руку. Он встал рядом – высокий, статный. Приталенный фрак подчеркивал мощь широких плеч. Удовлетворенно улыбнувшись, Скарлетт констатировала:

– Мы будем самой красивой парой в театре.

Они оказались на авеню Опера за четверть часа до начала спектакля. Скарлетт не раз проезжала мимо прекрасного здания – истинной жемчужины французской архитектуры. Ретт заметил, что смотрел здесь несколько спектаклей и считает Оперу самым красивым театром в мире.

– Я бывал и в прежней Опере, на Лё Пёлетье, давно, еще во времена, когда Конфедерация боролась за Наше Правое Дело. Должен сказать, то здание ни в какое сравнение с этим дворцом не идет, ни масштабом, ни изысканностью.

– Мне Дублинский театр казался большим, но этот... – опершись на протянутую Реттом руку, Скарлетт сошла с коляски и оглядела обильно украшенный лепниной и скульптурами фасад.

Они вошли под своды блистающего вестибюля. Освещенная сотнями светильников широкая беломраморная лестница раздваивалась, ведя к фойе и ложам театрального зала. Стены и колонны вестибюля переливались мрамором четырех благородных оттенков. Скарлетт так и тянуло повертеть головой и в подробностях рассмотреть окружающее великолепие, но она гордо вскинула подбородок и пока поднималась по лестнице, смотрела лишь прямо перед собой, изредка косясь вниз, чтобы не наступить на шлейф дамы, чей турнюр колыхался в трех футах от нее.

– Откуда у французов деньги на такие огромные театры? – вполголоса поинтересовалась она. – Мрамор, позолота, хрусталь... Интересно, во сколько миллионов он обошелся?

Ретт не смог удержаться от сарказма:

– Ты по-прежнему любишь считать деньги в чужом кошельке. Кажется, газеты упоминали сумму в тридцать миллионов франков золотом.

– О-о! – только и могла выдохнуть Скарлетт.

Вскоре после того, как они разместились в своей ложе, свет в зале стал меркнуть.

Музыка Бизе захватила Скарлетт с первых нот увертюры. Конечно, она не поняла почти ни слова и заставила Ретта в антракте пересказать либретто с программки. Они прогуливались под покрытыми золотистой мозаикой сводами просторного светлого фойе, из окон которого открывался вид на Лувр. Вокруг фланировала нарядная публика. Ловя собственное отражение в многочисленных зеркалах и сравнивая себя с записными парижскими модницами, Скарлетт отметила с некоторым тщеславием, что если она и выделяется в их ряду, то только в лучшую сторону. Атлетическая фигура смуглого седеющего мужчины и миниатюрная, едва ему по плечо, черноволосая красавица явно привлекали внимание в этой толпе.

На обратном пути в гостиницу Скарлетт расспрашивала Ретта о подробностях сюжета, ей хотелось понять все до мелочей.

– За что Кармен арестовали? Она все-таки воровка? Тогда правильно. Не больно-то эта певица похожа на красавицу, ради которой стоит рушить карьеру. А эта ария: ляля-ля-ля, ляля-ля-ля... ля-ля... – напела Скарлетт. – Что-то там любовь, ребенок... а потом я не разобрала...

– Любовь – дитя свободы... В том смысле, что любовь свободна, и никакие законы ей не указ. Затем она утверждает, что любит его так сильно, что ему придется сдаться.

– А-а... Так на самом деле она любила его или только притворялась?

– Не понял, – пожал плечами Ретт. – Надо почитать роман. Книжку написал какой-то Проспер Мериме.

– Интересно, есть ли английский перевод?

– Здесь, в Париже, вряд ли. Неужели ты на самом деле заинтересовалась литературой?

– Не так уж мало я прочла. В Баллихаре была большая библиотека, а зимними вечерами что еще делать? Я начала читать, когда болела. Ведь я почти два месяца провела в постели после родов, со скуки умирала. Посмотрев «Травиату» в Дублине, я невольно сравнила первоисточник с оперой. Мы много говорили об этом с Шарлоттой Монтагю. Она начитанная женщина и прослушала кучу опер. Она говорила, что многие романы переиначивают так, что и не узнать. Конечно, в «Травииате» только основные сцены из романа, но главный смысл сохранен, а великолепная музыка усиливает восприятие. А ты как думаешь?

– Согласен, в данном случае опера даже лучше. Не знаю, как с Кармен, но музыка очень хороша. Меня удивляет, что публика была довольно равнодушна, – Ретт обернулся к Скарлетт и заметил с улыбкой: – У тебя появился музыкальный вкус! Помнится, прежде ты любила незатейливые веселые мотивчики. Как насчет похода в заведение, где поют и танцуют под зазорную музыку? Это театр совсем другого пошиба.

Спустя два дня вечером Ретт повез ее в варьете Фоли-Бержер на Монмартре.

Скарлетт удивили столики в партере и то, что публика непринужденно болтает, подзывает официантов, выпивает – в то время как на сцене выступают певцы и певицы, танцовщицы и даже фокусники. Пришедшие на представление вели себя совершенно непринужденно, в зале раздавался хохот, а порой и женский визг.

– Кошечка, отчего у тебя такое кислое лицо? – поинтересовался Ретт, с усмешкой наблюдая, как она брезгливо окидывает взглядом зал.

– Эта толпа похожа на «саквояжников», твоих друзей.

– Если мне не изменяет память, – вкрадчиво и ехидно напомнил он, – ты с ними подружилась даже больше меня. Конечно, среди здешней публики вряд ли сыщется хоть один лорд – это не прием в Дублинском замке, – Скарлетт метнула на него сердитый взгляд, и он улыбнулся: – Расслабься и веди себя непринужденно. Хочешь попробовать абсента? Того напитка, что пьет дама за соседним столиком?

Скарлетт обернулась в ту сторону, куда кивнул Ретт. Там сидели мужчина лет тридцати фатоватой внешности и молодая женщина в платье цвета спелой малины с низким вырезом. Слушая своего кавалера, она то и дело отпивала из бокала.

Скарлетт удивленно вскинула брови:

– Разве бывает вино такого цвета?

– Это не вино, а более крепкая штука. Крепче виски.

Она колебалась. Вид напитка не внушал доверия.

– Не бойся, дорогая, помногу его не пьют, и ты не свалишься под стол.

Ретт щелкнул пальцами, подзывая одного из сновавших меж столиками официантов.

– Бутылку самого дорогого вина и абсент, – заказал он.

– Рюмку для дамы? – поинтересовался гарсон.

Ретт кивнул.

Через пару минут им принесли две бутылки: «Шато Брийон» и «Перно Фий». Батлер приказал начать с абсента. Откупорив «Перно», официант налил в большие рюмки понемногу зеленовато-голубой жидкости, поставил на край одной из них ложку-ситечко с кусочком сахара и начал медленно доливать напиток водой. Жидкость помутнела и стала напоминать цветом морскую воду в бурю. Те же манипуляции он проделал со второй рюмкой. Скарлетт с интересом наблюдала.

– Зачем он это делает?

– Чтобы снять горечь и разбавить. Так принято. После я обязательно дам тебе хлебнуть чистого абсента. Ну что, попробуем?

Она сделала осторожный глоток.

– Привкус какой-то травы.

– Первоначально это было лечебной настойкой, снимающей слабость и повышающей аппетит, но потом ее распробовали любители повеселиться. Эффект от абсента совсем иной, чем от прочего спиртного.

Ретт допил свой абсент, откинулся на стуле и достал сигару.

– А теперь взгляни на сцену, кажется, начинается канкан.

Под бравурное вступление выбежали восемь танцовщиц в пышных коротких юбках.

Вначале Скарлетт смотрела с изумлением, но вскоре глаза ее загорелись, и она невольно стала отбивать ногой такт.

Танцорки взмахивали юбками, подолгу прыгали на одной ноге, вскидывая вторую и выставляя на всеобщее обозрение короткие панталоны и подвязки. Неестественным образом задрав ноги, они кружились, сцепившись парами, а то разом наклонялись и задирали юбки, повернувшись к публике задом. Две девицы прошлись колесом по краю сцены и бухнулись на пол так, что, по мнению Скарлетт, должны были получить вывих бедра, но тут же вскочили и

продолжали танцевать. Танец был вульгарным, но до чего живым и задорным! Периодически девицы на сцене повизгивали, и разгоряченные напитками зрители вторили им из зала.

По окончании номера публика заревела и зааплодировала. Ретт тоже похлопал, искоса поглядывая на Скарлетт. Она старалась держаться невозмутимо, но в зеленых глазах отражался живейший интерес.

На смену танцоркам на сцену вышел вертлявый мужчина во фраке. Он быстро затараторил, подкрепляя свою речь мимикой и жестами. Публика то и дело прерывала монолог взрывами хохота. Перекинувшись через спинку стула, Ретт немного послушал и вновь обернулся к Скарлетт.

– Ни черта не понимаю! Он рассказывает что-то смешное? – выпытывала она.

– Всякие пошлости и скабрёзности, – ухмыльнулся Ретт. – Вечная история о том, как муж, вернувшийся со свидания с женой своего друга, застал его дома со своей собственной женой. И как она выкручивалась, объясняя, почему босой гость вывалился из шкафа.

Скарлетт фыркнула:

– Действительно, пошлость. Это заведение вовсе не похоже на театр.

– Варьете выросли из кафешантанов, маленьких ресторанчиков, в которых публику, как умели, развлекали певцы и танцоры. Вероятно, кафе перестали вмещать всех любителей подобного рода зрелищ, и кому-то пришлось в голову построить большой красивый зал. Зрители сюда валом валят, и, думаю, хозяева не в накладе.

Заметив, что Скарлетт допила свой абсент, он налил ей вина.

– Попробуй, моя прелесть, отличное бордо.

На сцене появился фокусник, и Скарлетт, будто ребенок, завороченно смотрела на него.

Затем выступали еще певцы и танцоры...

Они опустошили бутылку вина, а представление шло своим чередом.

Скарлетт немного захмелела, совершенно расслабилась и даже тихонько подхватила припев незатейливой песенки, которую исполняла тощая певица. Песня была настолько проста, что она поняла слова и повторяла рефрен: «Мы будем вместе с тобою всегда...»

– Настала пора выпить абсента, – решил Ретт, – но уже без сахара и воды.

Он плеснул в рюмку совсем немного, и Скарлетт проглотила зеленую жидкость одним махом.

Глядя, как она разевает рот, пытаясь продышаться, Батлер откровенно расхохотался. Схватив из вазы яблоко, откусив и быстро проглотив, Скарлетт свирепо блеснула глазами.

– Мог бы предупредить! Мне кажется, у меня в горле застряла головешка.

– Не волнуйся, горечь и жжение пройдут.

Ретт небольшими глотками опустошил свою рюмку и, слегка поморщившись, прикрыл глаза. Когда он открыл их, Скарлетт почудилось, что взгляд его стал другим. Глаза еще больше почернели и будто замаслились, холеные усики встопорщились от легкой улыбки. Он походил на кота, добравшегося до миски со сметаной.

– Зато теперь ты испытаешь совершенно незнакомые ощущения, – пообещал он ей.

– Ничего я не испытываю, кроме горечи. Да какое-то эхо появилось, будто я в лесу.

– Вот-вот, начинается... – удовлетворенно кивнул он.

Спустя минуту Скарлетт хихикнула:

– Гляди, Ретт, как пляшут огоньки! Они зажгли еще лампы возле сцены... О, какие милые двойняшки танцуют... Просто ужас, они же почти голые – только юбочки из листьев и бусы! По лицу не негры, а черные... Они чем-то намазались?

Ретт кивнул, лукаво блеснув глазами.

– Вероятно, они изображают дикарок. Хотя на самом деле девушка на сцене одна.

– Брось, – убеждала Скарлетт, – ты меня разыгрываешь! Их две, но они совершенно одинаковые. И как слаженно танцуют – шаг в шаг.

– У тебя в глазах двоится, моя прелесть. Танцовщица одна. Если не веришь, посмотри на меня.

Скарлетт несколько секунд пыталась сфокусировать взгляд на Ретте, а потом расхохоталась:

– Тебя, тебя... тебя тоже два... Или это приехал Росс? Он немного похож на тебя, в первый раз я со сна даже перепутала...

– Дорогая, ты пьяна, – со смехом констатировал Ретт. – Эффект от абсента может быть непредсказуемым, а вдруг ты устроишь истерику или надумаешь раздеться при публике?

Скарлетт беззаботно мотнула головой, в ней будто зазвенели колокольчики, и она мотнула еще раз, чтобы послушать.

– Ерунда, и ни капельки я не пьяная. У меня в жизни не было такой светлой головы и никогда мне не было так весело. Посмотри, Ретт, девица сошла со сцены. Да она уселась на колени к мужчине! Они целуются... Вот бесстыдники! Ретт, а ты меня поцелуешь?

Она потянулась к нему через стол, он еле успел подхватить падающую бутылку.

– Стоп, Скарлетт.

Она непонимающе уставилась на него и пролепетала обиженно:

– Ты не любишь меня?

Он покосился на соседние столики и коротко вздохнул:

– Такого я даже от тебя не ожидал: признаваться в любви во всеуслышание...

– А мне плевать! – перебила она, хватая его за руку. – К тому же они ни черта не поймут. Ты мне скажи, ты меня любишь?

– Люблю, люблю... – быстро проговорил он. – Давай-ка поедem отсюда, пока ты еще не надумала танцевать на столе.

– Я бы потанцевала... А где мой абсент? Я хочу еще выпить!

Ретт и глазом не успел моргнуть, как она наполнила рюмку, опрокинула ее в рот, сморщилась от горечи и обернулась.

– Ретт, любимый... Почему ты не хочешь меня поцеловать, я хочу тебя...

– О-о, только не здесь, кошечка... Поедем домой.

Он повлек Скарлетт к выходу из зала, но она упиралась и все оглядывалась на стол, твердя, что хочет досмотреть представление до конца. Тогда Ретт просто подхватил ее на руки. Ему стоило большого труда не споткнуться – он почти не видел, куда идет. Скарлетт все пыталась поцеловать его, а он, смеясь, уворачивался. Ее локоны лезли ему в рот и в глаза. Наконец швейцар распахнул перед ними дверь, и они оказались на улице.

Цепочка наемных экипажей на бульваре ждала театрального разезда, и первый из них подкатил к самому входу. Ретт усадил Скарлетт, плюхнулся на сиденье рядом с ней и приказал кучеру: «В Ритц!»

В ярком свете электрических фонарей, новшества, лишь недавно появившегося на Мон-мартре, пешеходы провожали глазами самозабвенно целующуюся в наемной карете парочку.

Когда экипаж остановился у отеля на площади Вандом, Ретт оторвался от Скарлетт. Она, обвив его шею руками, шептала, не открывая глаз: «Ретт, любимый...»

– Скарлетт, приди в себя, мы уже у дверей отеля, – тербил он ее за щеки. – Нам осталось миновать вестибюль. Надеюсь, ты в состоянии идти? И постарайся держать рот на замке.

Крепко прижав ее локоть к своему боку, Ретт дотацил нетвердо ступающую Скарлетт до номера. Перед тем как открыть дверь, он приложил палец к губам:

– Т-с-с-с, не разбуди Кэт.

Но ему пришлось зажать ей рот своей ладонью, потому что Скарлетт принялась напевать услышанную в варьете песенку. Водворив ее в спальню, он вернулся, чтобы плотно прикрыть дверь в комнату, где спала их дочь и прикорнувшая на тюфяке Бетси. В это время Скарлетт, забравшись на кровать, пыталась изобразить канкан.

– Милый, давай танцевать вместе, одна я падаю...

– Силы небесные! Ты просто сумасшедшая!

Скарлетт протянула ему руки, а когда он взял их, нарочно упала, увлекая за собой.

– Я хочу тебя, Ретт, я люблю тебя... – шептала она.

– Постой, дорогая, дай хотя бы раздеться, – отбивался со смехом Ретт.

– Раздеться?

Она отпустила его и принялась лихорадочно стягивать с себя платье, обрывая крючки и пуговицы.

Когда она, насытившись, откинулась на свою подушку, Ретт достал сигару, закурил и изрек с усмешкой:

– Мне думалось, я познал всю полноту твоей страсти, Скарлетт, однако абсент превращает тебя в феерическую женщину! Только повторять эксперимент я не решусь – вдруг в следующий раз ты исполосуешь мне ногтями не только спину, но и лицо?

Он пыхнул сигарой и обернулся. Скарлетт крепко спала.

Наутро она не помнила почти ничего из того, что случилось прошедшей ночью. За рюмкой чистого абсента следовал провал в памяти.

Не скрывая, насколько это забавляет его, Ретт для начала сообщил, что накануне она взяла его силой вот на этой самой кровати. Сперва Скарлетт разинула рот от изумления, но быстро нашлась и запальчиво поинтересовалась:

– А почему мужчине можно проявлять инициативу, а женщине нельзя?

– Это несколько разные вещи – инициатива и то, как ты себя вела. Ты набросилась на меня будто моряк, полгода пробывший в плавании и не выдавший ни одной женской юбки.

Затем Ретт вволю повеселился, в красках описывая, как она кидалась к нему на шею в Фоли-Бержер, как кричала, что любит и требовала признания от него.

– Этого не может быть, ты лжешь! – горячо запротестовала Скарлетт.

– Свидетелями твоего буйного поведения были не меньше трех сотен человек. Мне пришлось на руках вынести тебя из театра, при этом ты брыкалась и вырывалась.

Скарлетт насупилась, будто обдумывая что-то серьезное, затем заявила:

– А мне плевать! Они не знают меня, и я больше никогда их не увижу!

– Кошечка, ты изрекла очень мудрую мысль. Никогда не стоит обращать внимание на людей, которые тебе безразличны. Важно лишь мнение тех, кто дорог и близок нам.

– Мне дороги только ты и Кэт.

Скарлетт попыталась приподняться в постели, но тут же рухнула на подушки, закрыв глаза ладонью.

– Что, голова кружится?

– И к тому же болит, – пожаловалась она.

– Что желает госпожа в постель? Кофе или содовой?

При мысли о кофе Скарлетт прислушалась к ощущениям в желудке.

– Лучше содовой. И, пожалуйста, не спаивай меня больше.

В этот день они обедали в номере. У Скарлетт не было сил одеться и выйти в ресторан. После обеда они устроились в креслах перед распахнутым окном. Ретт курил, просматривая парижские газеты, а Скарлетт просто любовалась белыми барашками облаков на голубом небосклоне, изредка прикрывая глаза. Казалось, она вот-вот задремлет.

– Во дворце Гран-Пале открылась выставка импрессионистов, – зачитал Ретт.

– А кто это? – спросила Скарлетт, не открывая глаз.

– Импрессионизм – новое течение в живописи. Ни разу не видел, но слышал о нем. Говорят, это нечто особенное. Не хочешь посмотреть, дорогая?

- С удовольствием, только не сегодня. Я не в состоянии даже встать с этого кресла.
- Иди в постель, кошечка. Сон – лучшее лекарство от похмелья.
- Не могу, – жалобно простионала Скарлетт.

Отложив газету, Ретт встал, подошел к ее креслу, подхватил Скарлетт на руки и отнес в спальню.

Публика, собравшаяся в Салоне на Елисейских полях, выглядела разношерстной. Тут были и аристократы, желающие украсить свою гостиную полотном модного художника, и бескорыстные любители искусства, и представители французской богемы, выделяющиеся на общем фоне некоторой экстравагантностью.

Поначалу живопись импрессионистов озадачила Скарлетт.

– Это какая-то мазня, – высказалась она перед картиной Дега. – «Женщина у окна». Я вижу только окно и руки женщины. Остальное просто наляпано краской как попало.

– Не скажи, дорогая. Попробуй отойти на несколько шагов и найди место, с которого разноцветные мазки сложатся в целостную картину.

Скарлетт последовала его совету. После она с интересом отмеряла расстояние, с которого полотна смотрятся лучше всего.

– Забавно. Любопытно, как они это делают? Мазнут и отпрыгнут?.. Господин Эрве, писавший в Дублине мой портрет, работал как все нормальные художники. Он стоял прямо перед полотном, смотрел на меня и тут же рисовал. Жаль, портрет сгорел, все находили его очень похожим, и мне он нравился.

Заметив скептическую усмешку Ретта, она упрямо пояснила:

– В мою гостиную в Дублине специально приходили посмотреть на портрет. На нем я была в белом платье, и волосы взбиты высоко. И... Очень красивый был портрет!

– Не стану спорить, – пожал он плечами и подмигнул: – В любом случае я считаю, что оригинал всегда лучше копии.

Глава 5

В один из дней, когда Скарлетт была занята примерками, Ретт повел Кэти в парижский зверинец. Сам он почти не смотрел на животных, ему интереснее было наблюдать за дочерью. Кэт не переставала удивлять его, и невольно он сравнивал ее с Бонни. Та была живой, смешливой, по-детски дурашливой и капризной. А Кэти поражала своим серьезным отношением к окружающему. Она редко беззаботно улыбалась, подобно другим детям, а ее смех Ретт слышал всего несколько раз. Зато Кэт задавала серьезные вопросы и безапелляционно судила обо всем, что видела.

– Обезьяны похожи на людей, но глупые, – высказалась она перед вольером с макаками.

Наблюдая за волком, который взад-вперед метался по тесной клетке, девочка заметила:

– У него такие грустные глаза... Наверное, он жалеет, что съел Красную Шапочку?

– Это другой волк, – улыбнулся Ретт. – Помнится, тому, в сказке, распорол брюхо охотники.

Кэти задумалась на несколько секунд и изрекла:

– Да. И сказка ведь была давно. А волки долго живут?

– Не думаю, что дольше собак. Значит, лет пятнадцать.

– А ты охотился на волков?

– Нет, но пару раз было желание пристрелить того волка, что выл по ночам возле старательского лагеря.

– А что такое старательский лагерь?

– Это место, где живут люди, ищущие золото, – ответил Ретт, поражаясь тому, как много вопросов в этой маленькой головке.

– Из золота делают браслетики, – кивнула Кэт. – У меня был один, мне мама на рождество подарила, но он остался в Баллихаре.

– Я куплю тебе другой, хочешь? Прямо сейчас поедem и купим.

Они доехали до ювелирной лавки, и Кэт получила в подарок золотой браслет с бирюзовыми вставками. После они просто гуляли по улицам.

Увидев живописную пеструю толпу женщин в ярких цветастых шалих, девочка указала на них:

– Смотри, Ретт, какие чудные тетеньки. Сколько бус они на себя повесили!

– Это цыганки, Кэт. Считается, что они умеют предсказывать будущее.

– Я хочу посмотреть, как они это делают.

Заметив их интерес, шумная толпа атаковала Кэти и Ретта.

– Мсье, дайте монетку, всю правду вам скажу... – затараторила молодая цыганка с годовалым ребенком за спиной. Мать привязала его шалью, из-за плеча выглядывало лишь черноглазое чумазое личико.

От Ретта не ускользнуло, что Кэт буквально пожирает глазами цыганок и их детей. Подумав, что для девочки это будет вроде спектакля, он достал серебряную монету, которая в мгновение ока исчезла в складках цыганской юбки.

– Всю правду скажу, золотой, – пообещала цыганка. – Ай, глаз у тебя черный, ничего в нем не вижу, руку дай. Все что будет, скажу, ничего не утаю...

Усмехнувшись и подмигнув Кэт, Ретт стянул перчатку. Кэти наблюдала с интересом, хотя ни слова не понимала.

– Ох, плохо ты жил, много бед причинил, людей убивал...

– Не мели чепухи, цыганка, я воевал, а там смерть кругом.

– У тебя кругом смерть – троих недавно похоронил.

– Прошное мне и без тебя известно, – поторопил Ретт, неприятно пораженный тем, что гадалка попала в точку.

– Скоро ты потеряешь самое дорогое, но не бойся, найдешь обязательно... Вижу большую любовь... свадьбу... Долгая жизнь у тебя впереди.

– И счастливая? – насмешливо поинтересовался Ретт.

– Три года потеряешь: ты будешь не ты. А спасет тебя вот эта крошка... Ай, какая красивая, ай, славная, – цыганка отпустила руку Ретта, видимо, все сказав, и теперь любовалась Кэт, прищелкивая языком от восхищения.

Она крикнула что-то своим товаркам, и те столпились вокруг, рассматривая нарядную девочку, покачивая головами, ахая и лопоча по-своему. Батлер раздал им всю мелочь и лишь после этого отвязался от надоедливых попрошайек.

Вскоре они вновь шагали по бульвару. Кэт поинтересовалась:

– Что она тебе сказала?

Ретт неопределенно покачал головой.

– Так, всякую чепуху, про то, что буду жить долго и счастливо.

– Грейн лучше предсказывает, она говорила, что будет, и это сбывалось.

– Правда? Очень интересно. И что же она предсказала тебе?

– Она дала мне второе имя – Дара, и сказала, что оно мне будет помогать. Еще сказала, что я сильная, что моя башня спасет меня от смерти и что я буду жить далеко-далеко, в краю, где не бывает дождей...

– Пожалуй, все так и есть...

– А еще Грейн умеет лечить и заговаривать болезни. Она травки собирает и варит их, получают лекарства. Люди говорили, что Грейн плохая, только это неправда, она хорошая, и она меня любит.

– Так она назвала тебя Дарой? Красиво... Можно и мне тебя так называть?

– Мама говорит, что имя дают при крещении, тогда меня называли Кэти Колум. А Колум скоро приедет? Я уже соскучилась. Он любит меня и маму.

– Боюсь, детка, что ты больше не увидишь его.

Ретт не хотел говорить Скарлетт о встрече с цыганками, но Кэти, конечно же, рассказала:

– Мамочка, они такие смешные! Как кенгуру, только наоборот.

– Как это? – улыбнулась Скарлетт.

– У кенгуру детки на животе, а у цыганок на спине.

Отец с восторгом смотрел на дочь, а она продолжала рассказывать.

– Ретт дал цыганке монетку, и она делала ему предсказание.

– И что же она предсказала тебе, дорогой?

Ретт небрежно отмахнулся:

– Обычную ерунду: свадьбу, счастье, долгую жизнь и еще будто какую-то часть своей жизни я потеряю, но меня спасет вот эта красавица.

Он подхватил Кэт и закружил по комнате в вальсе.

– Цыганки были в восторге от Кэти, – сказал он, отпуская дочку, – целая толпа любовалась на нее, я еле вырвался.

Скарлетт нахмурилась.

– Я всегда держусь от цыганок подальше. Среди них полно воровок. Ты проверил, твой кошелек на месте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.